АЛЕКСѢЙ БОРОВОЙ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ
СОВРЕМЕННАГО ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

ЛИБЕРАЛИЗМЪ.
СОЦІАЛИЗМЪ.
АНАРХИЗМЪ.

БИБЛІОТЕКА
КООПЕРАТИВНАГО
ИНСТИТУТА
ВСЕРОСС. КООП. СОЮЗА
№ 94

2-е ИЗДАНІЕ Н. В. ПЕТРОВА.
Москва. 1917 г.

1241
БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
1766
26

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.

Отъ автора.

Въ апрѣлѣ 1906 г. я прочелъ въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ публичную лекцію «Общественные идеалы современнаго человѣчества» и затѣмъ неоднократно ее повторилъ.

Настойчивыя желанія многихъ изъ слышавшихъ ее тогда видѣть ее въ печати побудили меня поторопиться ея изданіемъ, несмотря на то, что многочисленныя текущія работы не позволяли дѣлать какихъ-либо исправленій или дополненій.

Этимъ объясняется нѣкоторая неровность въ выборѣ матеріала и изложенія.

Брошюра была быстро распродана.

Получивъ теперь предложеніе ее переиздать, я долгое время колебался. Многое въ брошюрѣ уже не удовлетворяетъ меня лично; отъ нѣкоторыхъ построеній, напримѣръ, очерка хозяйственной эволюціи, непосредственно приводящей къ утвержденію анархическаго строя, я впослѣдствіи отказался; хотѣлось бы кой въ чемъ дополнить отдѣльныя характеристики, хотя бы характеристику либерализма.

И... все же я рѣшился ее переиздать.

Я рѣшился потому, что моя основная вѣра—вѣра въ торжество свободы творческаго самоутвержденія, въ торжество анархическаго міровоззрѣнія осталась незыблемой. Какъ тогда, такъ и въ настоящее время я вѣрю, что путь къ анархизму идетъ черезъ преодолѣніе современной культуры, а не внѣ ея.

Подлинный анархизмъ—тамъ, гдѣ своя свобода понимается какъ одновременная свобода всѣхъ другихъ, гдѣ стимуломъ свободнаго творчества является живое, глубоко сознаваемое чувство личной отвѣтственности за храненіе этой свободы.

Личная свобода безъ отвѣтственности ведетъ къ произволу и родитъ деспотизмъ. А деспотизмъ, отъ кого бы онъ ни исходилъ и какими бы лозунгами ни прикрывался—исконный врагъ анархизма.

А. Б.

Москва
28 мая 1917 г.

Либерализмъ.

Съ того момента, какъ человѣкъ, по геніальному выраженію Аристотеля, сталъ Z ῶον πολιτικόν—общественнымъ животнымъ, въ жизнь его вторглось могучее противорѣчіе, долгія столѣтія терзавшее умы и сердца лучшихъ людей и ставшее, наконецъ, истинной трагедіей человѣческаго духа. Это мучительное противорѣчіе есть противорѣчіе между личностью и обществомъ. Что святѣе, что выше, что драгоцѣннѣе: интересы личности или интересы общества,—вотъ вопросы, мрачнымъ фатумомъ вставшіе на всемъ протяженіи человѣческой исторіи. Конечно, каждая эпоха, каждый общественный строй налагали свою неизгладимую печать на человѣческое міросозерцаніе. Отсюда ихъ безконечное разнообразіе.

Между фигурой какого-нибудь средневѣковаго фанатика-сектанта, смертью готоваго запечатлѣть вѣрность своимъ религіознымъ идеаламъ и современнымъ ницшеанцемъ или адептомъ анархистической доктрины, едва ли можно отыскать большое сходство.

Точно такъ же мало похожи другъ на друга какой-нибудь якобинецъ въ стилѣ Марата, не останавливающійся передъ требованіемъ сотни тысячъ головъ ради отвлеченной фор-

мулы «общаго блага», и современный теоретикъ соціалистическаго государства. Но есть и нѣчто общее между этими историческими фигурами, разлученными долгими годами борьбы, насилій, страданій...

Одни и въ далекое время отъ насъ и сейчасъ отдавали себя на служеніе идеѣ правъ личности; высшимъ этическимъ закономъ провозглашали принципъ свободы; въ ихъ глазахъ личность съ ея оригинальными цѣлями, стремленіями, интересами стояла выше общества. Они предпочитали говорить болѣе о правахъ личности, чѣмъ объ ея обязанностяхъ.

Другіе, наоборотъ, видѣли и видятъ въ личности лишь средство; цѣлью для нихъ является общество; въ ихъ глазахъ этическій принципъ равенства, братства, солидарности совершенно заслоняетъ принципъ свободы; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они сами признаютъ, что общественный прогрессъ невозможенъ, безъ соотвѣтствующаго расширенія индивидуальныхъ правъ, они все же не задумываются пожертвовать личностью ради всепоглощающаго Молоха, называемаго обществомъ.

Такъ пробились въ жизни два могучихъ теченія: индивидуалистическое и соціалистическое.

Краткому обзору ихъ историческихъ судебъ за послѣднее столѣтіе и будетъ посвящена первая половина моей лекціи.

Необычайный расцвѣтъ индивидуалистической мысли открывается великой французской революціей.

Изъ всѣхъ міровыхъ историческихъ драмъ, когда-либо пережитыхъ человѣчествомъ, несомнѣнно, наиболѣе грандіозной является эта великая революція XVIII вѣка. Ни одна другая эпоха не отразила съ такой силой и яркостью страстныхъ исканій человѣкомъ общественныхъ идеаловъ.

Пусть новѣйшія изслѣдованія показали, что не всѣ слова, брошенныя міру революціей, были новы, пусть вся предыдущая исторія по зернамъ собирала тотъ драгоцѣнный матеріалъ, который мы привыкли считать ея достояніемъ.

Революція была и останется апостоломъ, впервые повѣдавшимъ міру новую правду, она дорога намъ тѣмъ, что, не удовлетворяя запросовъ современнаго, далеко ушедшаго отъ нея человѣка, она сумѣла затронуть такія общечеловѣческія струны, которымъ суждено безсмертіе.

Многочисленные историческіе документы сохранили намъ свидѣтельства того необычайнаго энтузіазма, который охватилъ всю Европу при вѣсти о взятіи Бастиліи.

Передъ силой этого энтузіазма блѣднѣютъ и тускнѣютъ наши позднія радости отъ успѣховъ великой русской революціи. Паденіе Бастиліи праздновало все мыслившее и все страдавшее человѣчество. Старикъ Гумбольдтъ произнесъ слова молитвы: «нынѣ отпущаеши», а юный Гегель въ зеленѣющемъ полѣ посадилъ дерево свободы. Даже далекій холодный Петербургъ, Петербургъ Екатерины II, дѣлилъ энтузіазмъ Европы. Знаменитый Сегюръ писалъ въ своихъ мемуарахъ: «Новость о взятіи Бастиліи быстро распространилась въ Петербургѣ... и, хотя Бастилія не грозила никому изъ его жителей, я не могу передать энтузіазма, вызваннаго среди негоціантовъ, купцовъ, мѣщанъ и нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ болѣе высокаго класса паденіемъ этой государственной тюрьмы, этимъ первымъ тріумфомъ свободы. Французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане, голландцы,— всѣ, посреди улицы поздравляли другъ друга, обнимались, точно ихъ избавили отъ тяжкой цѣпи, сковавшей ихъ самихъ. Это увлеченіе, которому я самъ едва вѣрю теперь, разсказывая это, продолжалось очень недолго. Страхъ скоро

погасилъ первую вспышку. Петербургъ не былъ ареной, на которой можно было безопасно обнаруживать подобныя чувства».

Эти восторги, эта всеобщая радость кажутся понятными и близкими намъ и теперь. Среди оффиціально признаннаго безсилія стараго порядка, впервые зазвучала воля новаго народившагося суверена—народа; за феодальными обломками мерещилось уже широкое, открытое, необозримое поле соціально-политическаго творчества народа. Рухнулъ бюрократическій режимъ со всѣми его неправдами и насиліями; всѣ вѣрили и мечтали, что народы вступятъ, наконецъ, въ обѣтованную землю свободы.

Отъ этой замѣчательной эпохи остался одинъ изъ величайшихъ памятниковъ человѣческой мысли и чувства, который не могъ быть изготовленъ отдѣльными человѣческими руками,—декларація правъ человѣка и гражданина.

Этотъ памятникъ воздвигнутъ на пьедесталѣ всего освободительнаго движенія XVIII вѣка; въ его созданіи участвовали невримо умъ, воля и чувства всего французскаго народа. Въ немъ отразилось все то, что волновало Францію въ ея безсмертныхъ наказахъ 89 года. Декларація правъ была политическимъ принципомъ революціи, ея политической программой...

Ничто, разумѣется, менѣе не походитъ на положительное законодательство этого торжественнаго возвѣщенія ряда универсальныхъ истинъ, казавшихся въ эту эпоху всеобщаго энтузіазма такими ясными и простыми. Въ послѣднее время, между прочимъ, возгорѣлась чрезвычайно любопытная полемика между рядомъ французскихъ ученыхъ, особенно Бутми и крупнѣйшимъ изъ современныхъ государственниковъ—нѣмецкимъ профессоромъ Іеллинекомъ по во-

просу о происхожденіи декларацій. Въ брошюрѣ, надѣлавшей много шуму, Іеллинекъ доказываетъ, что въ основѣ декларацій лежитъ не просвѣтительное движеніе конца XVIII вѣка, а декларацій отдѣльныхъ американскихъ штатовъ, начиная съ Виргиніи въ 1776 г. Французская декларація, по мнѣнію Іеллинека, является лишь отзвукомъ тѣхъ глубокихъ, серьезныхъ, продуманныхъ положеній, которыя образуютъ основу ея американскихъ предшественницъ. Но, если это и вѣрно, декларація ничего не теряетъ отъ этого.

Декларація велика не тѣмъ, что первая возвѣстила человѣчеству освободительные принципы, но тѣмъ, что практическія, трезвыя, жизненныя формулы американцевъ обратила со свойственными французскому народу темпераментомъ и блескомъ въ великія моральныя истины, общечеловѣческія, общеобязательныя. Мѣстныя хартіи, мѣстныя вольности были обращены въ катихизисъ, изъ котораго строящее человѣчество черпало и долго будетъ еще черпать вѣчно юные, незыблемые принципы благоустроеннаго общежитія. Пусть англійскіе биллп и американскія декларацій имѣютъ хронологическія преимущества; французская декларація остается апостольской проповѣдью.

Таково было замѣчательное наслѣдіе эпохи 89 года — эпохи, въ которую, по словамъ Токвиля, «равенство и свобода были. одинаково дороги сердцу французовъ; когда французы хотѣли создать не только демократическія, но и свободныя учрежденія, не только разрушить привилегіи, но признать и санкціонировать права; время молодости, энтузіазма, гордости, великодушныхъ и искреннихъ страстей—время, память о которомъ, несмотря на всѣ его ошибки, люди сохранятъ навсегда».

Понимая радости, волновавшія современниковъ великой революціи, мы можемъ, однако, и безстрастно оглянуться назадъ въ далекое отъ насъ прошлое и отдѣлить истинное въ этихъ радостяхъ отъ ложнаго. За яркимъ фейерверкомъ нерѣдко искреннихъ настроеній, изліяній и словъ таились грубые, прозаическіе расчеты, учитывались торгашескіе интересы.

Революцію дѣлала буржуазія во имя своихъ буржуазныхъ интересовъ, буржуазія, задыхавшаяся подъ гнетомъ феодальныхъ перегородокъ, феодальной опеки, желавшая вздохнуть, наконецъ, полной грудью и замѣнить классическую формулу королевской милости «plaisir du roi» правомъ, вписаннымъ въ законъ.

Но подъ знаменемъ революціи боролся весь народъ, и на его долю остались лишь жалкія крохи блестящихъ завоеваній буржуазіи. На ряду съ прочими священными, естественными правами человѣка декларація сохранила и священный институтъ права собственности, о который должны были разбиться всѣ демократическія вожделѣнія.

То была эпоха буржуазнаго либерализма.

Но эпоха 89 года со всѣмъ ея угаромъ и волненіями проходила, и передъ французами грозно всталъ сложный вопросъ о консолидаціи революціи, о закрѣпленіи тѣхъ началъ, которыя она завѣщала.

Франція разбилась на два враждебныхъ лагеря: съ одной стороны, стояли жирондисты, буржуазные либералы, отстаивавшіе принципъ федерализма, полагавшіе, что предоставленіе возможно большей доли свободы отдѣльнымъ самоуправляющимся единицамъ есть единственный способъ ликвидаціи стараго порядка и осуществленія великихъ принциповъ революціи въ жизни. Другіе,—якобинцы, демократы, принципу федерализма противопоставляли принципъ цен-

трализаціи, доказывая, что только сильная государственная власть въ состояніи справиться съ центробѣжными элементами, раздиравшими Францію. Ихъ мало соблазнялъ лозунгъ буржуазной свободы, написанной на знамени жирондистовъ. Воспитанные на доктринѣ Руссо они дорожили болѣе равенствомъ, чѣмъ свободой.

Въ величайшемъ изъ всѣхъ политическихъ твореній «Общественномъ договорѣ» Руссо поставилъ слѣдующую центральную проблему: какимъ образомъ организовать общежитіе, чтобы «каждый, соединившись со всѣми, повиновался бы только самому себѣ и оставался свободенъ, какъ прежде?» Такимъ образомъ цѣлью договорной ассоціаціи, по мысли Руссо, должно было быть обезпеченіе свободы каждому изъ ея членовъ. Эта цѣль, какъ думалъ Руссо, можетъ быть достигнута только такимъ образомъ: каждый членъ ассоціаціи со всѣми его правами долженъ быть отчужденъ въ пользу общины; но, отдавая себя цѣликомъ, каждый отдаетъ себя на равныхъ условіяхъ съ другими, и такимъ образомъ никто не можетъ быть заинтересованъ, чтобы эти условія были отягчительны для другихъ. Въ то же самое время каждый, отдаваясь всѣмъ, не отдается никому.

Это разсужденіе заключаетъ въ себѣ, очевидно, величайшую логическую ошибку. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль договора ассоціаціи заключалась въ обезпеченіи свободы. Между тѣмъ ассоціація предоставляетъ своимъ членамъ только равенство, подчиняя ихъ цѣлому, и такимъ образомъ отрицаетъ за ними свободу.

Это ученіе, отразившее въ себѣ духъ античнаго государства, было политическимъ символомъ якобинизма, воздвигшаго на мѣсто абсолютнаго самодержавія монарха абсолютное самодержавіе народа. Было бы, конечно, великимъ за-

блужденіемъ видѣть въ Руссо соціалиста. Его воображаемый соціализмъ, справедливо говоритъ Анри Мишель, былъ ни чѣмъ инымъ, какъ первоначальной, очень несовершенной и очень опасной формулой индивидуализма.

И когда монтаньяры побѣдили жирондистовъ, принципы якобинизма восторжествовали и безпощадное отнынѣ ко всѣмъ противникамъ правительство открыло политику террора.

Ростки свободы, пущенные эпохой 89 года, были вырваны съ корнемъ!

Произволъ короля смѣнился произволомъ Конвента, произволомъ Комитета Общественнаго Спасенія, произволомъ комиссаровъ, произволомъ цѣлой арміи маленькихъ чиновниковъ этого чудовищно-централизованнаго механизма. Единственной инстанціей была признана гильотина, и въ жертву формулѣ общаго блага были принесены всѣ права личности.

Нѣтъ того гнуснаго произвола, нѣтъ того тяжкаго угнетенія, которое бы ни покрывалось широкой эластичной формулой общаго блага. Подъ этимъ лозунгомъ самые разнообразные режимы — реакціонные и революціонные — проводили исключительныя мѣры, чрезвычайные и военные суды и комиссіи, административныя ссылки, изгнанія.

Формула общаго блага, какъ правительственная или политическая формула, не есть защита общества, а есть грубое одностороннее попраніе права слабѣйшей части болѣе сильной. Не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было пожертвованіи общественными интересами при отрицаніи этой формулы. Тамъ нѣтъ организованнаго общества, гдѣ рѣчь идетъ о мѣрахъ, узаконивающихъ наличность двухъ неравныхъ группъ: угнетателей и угнетаемыхъ.

Такъ, подъ ударами якобинскаго террора, погибла идея свободы!

Многочисленные историки пытаются оправдать террористическую политику Конвента, находя въ ней единственный способъ обезпечить единство Франціи; эта политика, по ихъ мнѣнію, столько же обусловливалась исключительными внѣшними осложненіями, сколько и борьбой съ тѣмъ пестрымъ матеріаломъ, который по мысли вдохновителей террора должна была переварить революція. Быть-можетъ, съ этой точки зрѣнія политика Конвента и неуязвима, но ни Комитетъ Общественнаго Спасенія, ни революціонные трибуналы, ни комиссары Конвента, надѣленные неограниченными полномочіями, не могутъ не быть признаны самымъ яркимъ и категорическимъ отрицаніемъ индивидуалистической доктрины, поскольку она выразилась въ декларации и вообще дѣятельности Конституанты.

Но въ то же самое время политика Конвента, его терроръ встрѣтили самое жестокое осужденіе въ соціалистической средѣ. Вѣдь терроръ никогда не служилъ интересамъ пролетаріата, наоборотъ, по словамъ одного соціалистическаго писателя, «терроръ революціонной буржуазіи, терроръ, однимъ изъ наиболѣе яркихъ представителей котораго являлся тщеславный лицемѣръ Робеспьеръ, былъ отвратителенъ тогдашнимъ французскимъ рабочимъ, онъ долженъ быть отвратителенъ и всякому современному сознательному и трудящемуся пролетарію».

«Когда,—пишетъ соціалъ-демократическій историкъ французской революціи Блоссъ,—въ трудную для Робеспьера минуту его агенты пришли въ рабочее предмѣстье звать рабочихъ на помощь этому человѣку добродѣтели, они услышали озлобленный отвѣтъ: «Мы умираемъ отъ голода, а вы хотите кормить насъ казнями». «Намъ нечего страшиться,—говорилъ извѣстный соціалистъ Лафаргъ въ своемъ диспутѣ

съ Демоленомъ,—возврата тѣхъ кровавыхъ сатурналій, которыми опозорила себя буржуазная революція. Пролетаріи не такъ кровожадны, какъ буржуазія».

Политическое міросозерцаніе этой эпохи въ отличіе отъ предыдущей эпохи буржуазнаго либерализма можетъ быть названо демократическимъ либерализмомъ.

Эта система, такъ же, какъ и наслѣдовавшій ей деспотическій наполеоновскій режимъ, обратившій личную свободу въ игрушку центральной власти, подготовила новый взрывъ индивидуалистической идеи, который завершился выработкой новаго цѣльнаго, либеральнаго міросозерцанія. Эта либеральная доктрина окончательно сформулированная къ двадцатымъ годамъ XIX столѣтія, критически отнеслась къ идеѣ народовластія, вдохновлявшей предыдущую эпоху, и разъ навсегда обратилась въ идеологію буржуазныхъ классовъ. Самымъ яркимъ представителемъ индивидуалистической идеи этого времени, несомнѣнно, былъ талантливый публицистъ и политическій дѣятель Бенжаменъ Констанъ, къ краткой характеристикѣ взглядовъ котораго мы сейчасъ и переходимъ.

«Цѣлые сорокъ лѣтъ,—писалъ Констанъ въ одномъ изъ своихъ произведеній,—я защищалъ одно и то же: свободу, свободу во всемъ,—въ религіи, въ философіи, въ литературѣ, въ промышленности, въ политикѣ».

Неудивительно, что Бенжаменъ Констанъ пользовался самой широкой популярностью въ оппозиціонныхъ кругахъ современной ему Франціи. Его «курсъ конституціонной политики» обращается постепенно въ катихизисъ либерализма,—«Учебникъ свободы» (Manuel de la liberté), по мѣткому выраженію одного изъ выдающихся французскихъ государственниковъ—Лабулэ.

Но что Бенжаменъ Констанъ понималъ подъ свободой?

«Свобода,—писалъ онъ, есть тріумфъ личности надъ властью, желающей управлять деспотическими средствами, и надъ массами, требующими подчиненія меньшинства большинству».

Констанъ не возражалъ противъ самой идеи правительства; онъ требовалъ только возможно большаго ограниченія его функцій. Правительственная дѣятельность, по его мнѣнію, должна протекать въ рамкахъ только тѣхъ услугъ, которыя она въ состояніи оказать.

Во всѣхъ своихъ взглядахъ на свободу, онъ былъ прямымъ антагонистомъ Руссо, жестоко осуждая верховенство общей воли надъ всякой частной волей. Границы власти должны быть указаны справедливостью и правами отдѣльныхъ лицъ. Никогда и воля цѣлаго народа не можетъ сдѣлать справедливое изъ несправедливаго.

Доктрина Руссо объ отчужденіи личностью своихъ правъ въ пользу общины есть, по мнѣнію Констана, доктрина деспотизма. Личность не можетъ отчуждать своихъ правъ; если бъ она захотѣла сдѣлаться вещью, она останется человѣкомъ. Люди должны быть равны не потому, что одинаково служатъ деспотизму, а потому, что всѣ они равно свободны. Всякая демократія не есть свобода; она есть вульгаризація абсолютизма. Есть такая сторона человѣческой личности, человѣческаго бытія, которая по необходимости остается индивидуальной и независимой; предъ ней безсиленъ и самый законъ. Его вторженіе въ эту строго индивидуальную сферу было бы деспотизмомъ.

Такова эта стройная, законченная доктрина либерализма. Личность становится суверенной, правительство превращается въ ея послушнаго агента.

Но—увы!—всѣ идеалистическія построенія Констана раз-

сыпаются вдребезги при соприкосновеніи съ суровой дѣйствительностью. Констану равно дороги всѣ виды индивидуальной свободы. Рядомъ съ религіозной свободой, свободой воспитанія, свободой печати, личной свободой или личной неприкосновенностью защищаетъ онъ и неограниченную свободу собственности и промышленности. Свободная конкуренція представлялась ему экономическимъ идеаломъ. Всякія попытки регламентаціи со стороны государства представлялись ему излишними и вредными.

Рядомъ съ жалобными ламентаціями на полуголодное существованіе рабочихъ онъ степенно разсуждаетъ, что природа вещей установитъ наилучшіе законы отношеній между борющимися сторонами.

Бливорукость или аристократическая брезгливость Констана превращаютъ его, такимъ образомъ, въ апологета капитализма, предающаго послѣ длинныхъ разглагольствованій о суверенныхъ правахъ личности неимущихъ въ руки имущаго.

Мало этого! Самыя политическія права онъ считаетъ возможнымъ вручить только собственникамъ, ибо только они одни, благодаря досугу, независимости и подготовкѣ, могутъ дать хорошихъ политическихъ дѣятелей.

Наконецъ Констанъ высказывается и за наслѣдственную верховную палату; ея задача—уравновѣшивать демократическую подвижность.

Вы чувствуете, какъ разсыпается по звеньямъ цѣпь свободы, скованная Констаномъ!

Абсолютная доктрина либерализма превращается въ философію привилегированныхъ, правящихъ классовъ; личность забыта, на ея мѣстѣ мы видимъ собственника или наслѣдника громкаго имени. Та игра соціально-экономическихъ интересовъ, въ которой сильный всегда побѣждаетъ слабаго, признается

единственнымъ закономъ общественнаго состоянія. И слабый якобы въ огражденіе его же собственныхъ интересовъ, былъ объявленъ внѣ защиты.

Въ блестящемъ очеркѣ, посвященномъ Констану, одинъ изъ выдающихся современныхъ ученыхъ историковъ литературы, Фагэ, даетъ, по нашему мнѣнію, вѣрную характеристику его міросозерцанія: «Констанъ создалъ,—пишетъ Фагэ,—либерализмъ изумительной чистоты, но чудовищно холодный и сухой. Его либерализмъ есть безконечная жажда личной автономіи, ревнивое желаніе оградить себя елико возможно отъ всего остального существующаго».

Таковъ Констанъ въ изображеніи Фагэ, таковымъ онъ былъ и въ дѣйствительности.

Мы не коснемся другихъ либераловъ: ученіе Констана, въ извѣстномъ смыслѣ, можетъ быть названо послѣднимъ словомъ либеральной доктрины. Вся позднѣйшая ея эволюція не дала ничего оригинальнаго, кромѣ безчисленныхъ предательствъ на практикѣ, совершенныхъ въ разное время либеральными партіями и правительствами.

Либеральная доктрина, такая, какъ мы ее видѣли, должна быть осуждена! Она не есть защита свободы, она—отрицаніе свободы! Провозглашая свободу однихъ, она мирится съ рабствомъ другихъ! Какъ абсолютно безнравственный принципъ, она сама въ себѣ несетъ свое осужденіе!

Соціализмъ.

Неудивительно, что человѣческая мысль и совѣсть, страстно искавшія цѣленія человѣческихъ страданій, не могли удовлетвориться холодными формулами либерализма, подъ нарядной внѣшностью которыхъ таилась скрытая ложь. «Во время революціи 1789 года,—писалъ Лафаргъ,—буржуазія считала себя призванной защищать человѣческія права и уничтожить всѣ несправедливости: она провозгласила предстоящее осуществленіе равенства, свободы и братства. Эти слова написаны въ конституціи, ихъ можно прочитать даже на тюремныхъ стѣнахъ, но нигдѣ они не вошли въ жизнь. Свобода, равенство и братство—вотъ три главныя формы лжи буржуазіи».

Въ жизнь пробивается новое могучее міросозерцаніе—соціалистическое, безпощадно одинъ за другимъ разбивающее всѣ аргументы либерализма, своей главной цѣлью ставящее достиженіе полнаго равенства между людьми. Въ основѣ соціалистическихъ требованій равенства лежитъ еще Кантовскій постулатъ о человѣкѣ, какъ цѣли въ себѣ. Въ главѣ «Объ основныхъ мотивахъ чистаго практическаго разума» Кантъ учитъ, что все, что представляется намъ въ мірозданіи, все, надъ чѣмъ человѣкъ имѣетъ власть, можетъ быть разсматриваемо какъ средство; только человѣкъ и съ нимъ каждое разумное существо есть

цѣль въ себѣ (Zweck an sich selbst). Человѣкъ есть субъектъ священнаго нравственнаго закона и не можетъ служить средствомъ для упражненія на немъ чужой, посторонней воли. Каждое человѣческое существо должно видѣть въ другомъ не средство, а цѣль, ибо въ каждомъ, даже самомъ низкомъ, есть нѣчто, имѣющее абсолютную цѣнность,—это его человѣческая природа. Такимъ образомъ общество представляетъ собой совокупность равныхъ и равно уважаемыхъ цѣлей.

Эта идея равноцѣнности человѣческихъ личностей вошла какъ незыблемый принципъ въ ученія всѣхъ соціалистическихъ школъ, начиная съ утопическаго сенъ-симонизма и другихъ раннихъ соціалистическихъ конструкцій и кончая эпигонами научнаго соціализма. Но идея человѣческой равноцѣнности была отвлеченнымъ философскимъ лозунгомъ, логической категоріей, которую соціализму предстояло воплотить еще въ жизни.

Такимъ образомъ творческій процессъ соціализма долженъ былъ открыться разрушительной работой; онъ долженъ былъ вскрыть язвы, разлагающія капиталистическій организмъ, поколебать тотъ строй, на который возлагали упованія идеологи буржуазіи—либералы, и тогда насадить сѣмена новаго ученія.

Эта грандіозная работа была выполнена цѣлой плеядой геніальныхъ мыслителей и самоотверженныхъ дѣятелей,—мы не можемъ назвать ихъ въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ, хотя бы по именамъ, но первое мѣсто между ними, по праву, принадлежитъ Карлу Марксу.

Въ настоящее время является уже общепризнаннымъ, что величайшія соціологическія обобщенія, положенныя въ основу твореній автора «Капитала», вовсе не являются всегда плодомъ его оригинальнаго творчества. Такъ, напримѣръ еще въ 1900 г. анархистъ Черкезовъ въ парижскомъ анархистическомъ органѣ

«Des Temps nouveaux» сравнивалъ текстъ одной анонимной французской брошюры 40 годовъ—«Принципы Соціализма» съ Коммунистическимъ Манифестомъ — этимъ евангеліемъ научнаго соціализма. Сравненіе обнаружило разительное сходство между тѣмъ и другимъ. Было ясно, что Коммунистическій Манифестъ дѣлалъ многочисленныя позаимствованія изъ этой малоизвѣстной работы. Въ 1902 г. вышла любопытная монографія профессора Андлера о происхожденіи Коммунистическаго Манифеста. Андлеру удалось показать, что мысли Манифеста были ходячими въ 30—40 годахъ въ соціалистическихъ кругахъ. Всѣ онѣ или элементы ихъ уже ранѣе находились въ трудахъ Консидерана, Пеккера, Бюре и другихъ соціалистовъ этого времени. Ту же судьбу раздѣлило и ученіе о борьбѣ классовъ. Противно утвержденіямъ Энгельса, а въ недавнее время и Зомбарта, что ученіе о классовой борьбѣ, какъ движущемъ моментѣ историческаго процесса, является исключительно оригинальнымъ замысломъ самого Маркса, идея эта имѣла очень раннихъ представителей.

Одинъ изъ авторитетнѣйшихъ соціалистическихъ писателей нашего времени, котораго въ то же время менѣе, чѣмъ кого-либо, можно заподозрѣть въ недоброжелательствѣ именно къ Марксу,—Плехановъ, въ предисловіи къ изданному имъ Коммунистическому Манифесту, отмѣчаетъ долгую эволюцію интересующаго насъ ученія. «Пониманіе классовой борьбы,—пишетъ онъ,—какъ важнѣйшаго двигателя историческаго развитія уже въ 20 годахъ достигло такой степени ясности, которая была превзойдена развѣ только въ сочиненіяхъ авторовъ Манифеста». «Уже во время Реставраціи,—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—Сенъ-Симонъ и многіе ученые представители французской буржуазіи видѣли въ борьбѣ классовъ главнѣйшую пружину историческаго развитія народовъ новаго времени... Взглядъ Маркса и Энгельса

на борьбу классовъ тождественъ со взглядами на тѣ же предметы Гизо и его единомышленниковъ. Вся разница въ томъ, что одни отстаиваютъ интересы пролетаріата, между тѣмъ какъ другіе защищаютъ интересы буржуазіи». Наконецъ, ученіе о прибавочной цѣнности, впервые проливающее яркій свѣтъ на эксплоатацію труда въ капиталистическомъ строѣ, было впервые развито не Марксомъ, какъ утверждалъ это Энгельсъ въ своемъ «Анти-Дюрингѣ», а Годвиномъ и особенно Томсономъ. Но если теоретическія формулы соціализма складывались и разрабатывались еще задолго до Маркса, то все же нуженъ былъ синтетическій титанъ, подобный Марксу, чтобы желѣзнымъ усиліемъ мысли сковать воедино звенья соціалистической идеи. Именно въ этомъ геніальномъ превращеніи обрывковъ мыслей въ единое цѣльное научное міросозерцаніе лежитъ непреходящая заслуга Маркса. Поэтому, минуя всѣхъ предшественниковъ творца научнаго соціализма, мы остановимся на немъ, чтобы выяснить сущность соціалистическаго міросозерцанія.

Съ удивительной смѣлостью Марксъ открываетъ свой анализъ съ ученія о товарѣ. Подъ товаромъ Марксъ разумѣетъ всякій внѣшній предметъ, способный своими свойствами удовлетворять какую-нибудь изъ человѣческихъ потребностей. Если такой предметъ созданъ человѣческими руками, на его производство затраченъ трудъ, онъ не является даровымъ произведеніемъ природы, какъ напримѣръ, вода, онъ становится цѣнностью. Внѣ затратъ труда для Маркса не существуетъ цѣнности. Насъ не интересуетъ сейчасъ вопросъ насколько правильно такое воззрѣніе на самую природу цѣнности. Но разъ цѣнность есть продуктъ труда невольно напрашивается элементарный этическій выводъ, что цѣнность должна и принадлежать труду, т.-е. рабочему, который усиліями своихъ мышцъ изготовляетъ данный продуктъ. Марксъ еще пока не

дѣлаетъ этого вывода, но онъ читается между строкъ этого замѣчательнаго анализа. Итакъ, товаръ долженъ принадлежать рабочему, его создавшему; но оглянемся на современное капиталистическое общество и посмотримъ, такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Повсюду мы увидимъ безчисленныя кипы самыхъ разнообразныхъ товаровъ, начиная съ самыхъ дорогихъ и кончая самыми простыми въ роскошныхъ магазинахъ, транспортныхъ конторахъ, пароходахъ, желѣзнодорожныхъ поѣздахъ, набережныхъ и докахъ; повсюду они привлекаютъ массы покупателей, создаютъ громадныя богатства ихъ владѣльцамъ, представляя неисчерпаемый источникъ наслажденій для однихъ и вѣчныхъ страданій и зависти для другихъ. Но нигдѣ не увидите вы, чтобы эти товары принадлежали рабочимъ, трудившимся надъ ихъ изготовленіемъ. Наоборотъ, полиція и армія приходятъ на помощь владѣльцамъ ихъ, когда полуголодный рабочій, сраженный ужасами безработицы, приходитъ попросить и своей доли въ этихъ несмѣтныхъ богатствахъ. Но оставимъ иллюстраціи, пойдемъ далѣе...

Центральнымъ вопросомъ въ изслѣдованіи капиталистической системы является вопросъ о происхожденіи капиталистической прибыли. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ это утверждаютъ буржуазные экономисты, хозяева промышленныхъ предпріятій въ заработной платѣ полностью оплачиваютъ трудъ рабочаго, откуда же берется тотъ излишекъ, который образуетъ прибыль предпріятія? Отвѣтомъ служитъ ученіе о прибавочной цѣнности, которое принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ страницъ «Капитала».

Даже тѣ изъ принципіальныхъ враговъ соціализма, которые рѣшительно отвергаютъ самую теорію прибавочной цѣнности, не могутъ отказать Марксу въ необычайной логической стройности его построеній, украшенныхъ къ тому же взрывами

того могучаго сарказма, который представляетъ едва ли не самую обаятельную сторону въ литературномъ дарованіи творца «Капитала».

Сущность капиталистической формы хозяйства заключается въ процессѣ производства товара на рынокъ. Необходимыми предпосылками этого процесса являются: съ одной стороны, наличность капиталистическаго класса, предпринимателей, владѣющихъ капиталомъ и орудіями производства на началахъ частной собственности, съ другой — существованіе рабочаго класса, предлагающаго на рынкѣ свой единственный товаръ, свою рабочую силу. Капиталистъ пріобрѣтаетъ этотъ товаръ съ цѣлью эксплуатировать его въ своемъ предпріятіи. «Процессъ потребленія рабочей силы,—пишетъ Марксъ,—есть въ то же время процессъ производства товаровъ и прибавочной цѣнности, т.-е. прибыли».

Въ самомъ дѣлѣ, капиталъ, вложенный въ любое капиталистическое предпріятіе, по мысли Маркса, разбивается на двѣ основныхъ формы: капиталъ постоянный и капиталъ перемѣнный. Подъ постояннымъ капиталомъ Марксъ разумѣетъ сырой матеріалъ, вспомогательныя вещества, орудія производства, т.-е. ту часть капитала, которая своей цѣнности въ процессѣ производства не мѣняетъ. Машина, напримѣръ, постепенно изнашиваясь, соотвѣтственно и погашаетъ свою цѣнность. Цѣнность эта не пропадаетъ даромъ, она по частямъ входитъ въ процессъ образованія цѣнности. Все то, что въ своей цѣнности теряетъ машина, пріобрѣтаетъ продуктъ, цѣнность котораго возрастаетъ пропорціонально потерямъ цѣнности машины, при чемъ машина отдаетъ продукту ровно столько, сколько она имѣетъ—ни больше ни меньше. Она вступаетъ въ предпріятіе съ опредѣленной цѣной и уходитъ изъ него, цѣликомъ передавъ свою цѣнность продукту. Очевидно, что ни машина ни

прочія орудія и средства производства прибыли создать не могутъ. Въ процессѣ образованія цѣнности они не создаютъ ничего лишняго. Есть только одинъ товаръ, который въ процессѣ производства свою цѣнность мѣняетъ и который Марксъ называетъ перемѣннымъ капиталомъ. Этотъ товаръ—рабочая сила.

Рабочая сила не только воспроизводитъ свой эквивалентъ въ процессѣ производства, не только возвращаетъ капиталисту то, что тотъ затрачиваетъ на нее при покупкѣ рабочей силы на рынкѣ, но и даетъ еще нѣкоторый излишекъ, который и есть истинный источникъ прибыли, или прибавочной цѣнности. Когда капиталистъ нанимаетъ на рынкѣ рабочую силу, онъ договариваетъ ее на опредѣленный рабочій день, совершенно не сообразуясь съ тѣмъ, въ какую часть рабочаго дня рабочій успѣетъ отработать ему то, что онъ ему заплатилъ. Между тѣмъ ежедневный опытъ показываетъ, что рабочій успѣваетъ возсоздать свою заработную плату въ теченіе извѣстной части рабочаго дня, и вся дальнѣйшая работа является для капиталиста подаркомъ, неоплаченнымъ трудомъ, присвоеніе котораго сулитъ ему неожиданно громадные барыши. Неоплаченное рабочее время превращается въ прибыль, и трудъ является единственнымъ источникомъ ея.

Передъ нами такимъ образомъ открывается яркая картина эксплуатаціи рабочаго класса. Всѣ неслыханныя богатства современнаго общества, весь прогрессъ матеріальной культуры обязаны своимъ происхожденіемъ открытому легализированному, систематическому грабежу одной части общества другой.

Чѣмъ же обусловливается возможность этого присвоенія труда чужихъ людей? Существованіемъ института частной собственности на орудія и средства производства.

И соціалистическая доктрина съ жаромъ обрушивается на частную собственность, видя въ ней источникъ порабощенія,

несчастій и страданій человѣчества. Только тогда люди будутъ счастливы, учитъ соціализмъ, когда они будутъ равноправны; а равноправны они будутъ только тогда, когда орудія и средства производства будутъ обобществлены, когда само общество станетъ единственнымъ хозяиномъ и единственнымъ работодателемъ. Отдѣльные же его члены, чтобы жить, наслаждаться, пользоваться благами культуры, должны будутъ трудиться. Дѣленіе на хозяевъ и рабочихъ, господъ и рабовъ, исчезнетъ,—всѣ будутъ равны.

Уже ранніе соціалисты превосходно сознавали всѣ несовершенства капиталистическаго строя. Но имъ не подъ силу оказалась задача найти противъ него дѣйствительное средство. Громадное большинство изъ нихъ, отвѣчая на вопросъ, какимъ образомъ экономическое порабощеніе можетъ смѣниться экономической свободой, полагало, что этотъ успѣхъ можетъ быть достигнутъ только нравственнымъ перевоспитаніемъ человѣчества. Нужно обращаться къ благороднымъ инстинктамъ и стремленіямъ человѣка, внушить состраданіе къ меньшому брату, или, наконецъ, вставъ на утилитарную точку зрѣнія, показать соціально-экономическія преимущества новаго строя. Самые причудливые утопическіе узоры были сотканы по этому плану. Но и до сихъ поръ капиталистическій міръ стоитъ твердо, посмѣиваясь надъ бреднями альтруистовъ-философовъ.

Впервые научный соціализмъ, съ необычайнымъ искусствомъ разложившій капитализмъ на составныя его части, открылъ намъ и его будущее.

Капиталистическій строй самъ въ себѣ несетъ свою гибель. Это—колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Въ необузданной міровой конкуренціи нашего времени капиталистическіе гиганты побиваютъ капиталистическихъ гномовъ. Число эксплуататоровъ убываетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ размѣры предпріятій. Капиталы сосредоточиваются въ немногихъ рукахъ. Вмѣстѣ

съ тѣмъ капитализмъ собираетъ и формируетъ безчисленную армію рабочихъ. Объединяя ихъ подъ крышами своихъ предпріятій, онъ воспитываетъ въ нихъ чувство солидарности, пониманія общности ихъ интересовъ и готовитъ такимъ образомъ самъ себѣ могучихъ враговъ. Приблизится день, когда лицомъ къ лицу встанутъ дрожащіе за свой интересъ угнетатели и одушевленные идеей освобожденія рабочіе. Тогда исходъ борьбы несомнѣненъ!

Предоставимъ слово Марксу: «Экспропріація непосредственныхъ производителей совершалась съ безпощаднымъ вандализмомъ и подъ вліяніемъ самыхъ гнусныхъ, грязныхъ и мелкихъ страстей. Частная собственность, пріобрѣтенная собственнымъ трудомъ, была вытѣснена частной, капиталистической собственностью, основанной на эксплуатаціи чужого, но по формѣ свободнаго труда... Но одинъ капиталистъ постоянно побиваетъ многихъ другихъ... Вмѣстѣ съ постоянно уменьшающимся числомъ магнатовъ капитала, которые похищаютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, возрастаетъ бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе, эксплуатація; но увеличивается также и возмущеніе рабочаго класса, который постоянно возрастаетъ и постоянно обучается, объединяется и организуется самымъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства...

Сосредоточеніе средствъ производства и обобществленіе труда достигаетъ такой степени, что они не могутъ далѣе выносить свою капиталистическую оболочку. Она разрывается, бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспропріирующихъ экспропріируютъ... Прежде дѣло шло объ экспропріаціи народныхъ массъ немногими узурпаторами, здѣсь дѣло идетъ объ экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ народомъ...»

На этомъ можно поставить точку.

Разрушительное творчество соціализма кончилось. Переходимъ къ ихъ зодчеству.

Здѣсь все неопредѣленно и туманно. Марксъ, который съ такой неумолимой логикой сорвалъ всѣ покровы съ капиталистическаго механизма, обнаживъ сокровеннѣйшія его части, лишь смутно говоритъ, что наслѣдникомъ его будетъ кооперація свободныхъ работниковъ, сообща владѣющихъ средствами производства, въ томъ числѣ и землей.

Совершенно справедливо замѣтилъ одинъ изъ критиковъ Маркса, что его геніальные труды посвящены не теоріи соціализма, а теоріи капитализма. Общественные идеалы Маркса остались навсегда неясными; но все же, если мы не хотимъ работать въ утопическихъ казармахъ—фаланстерахъ или заселять необитаемые острова по рецепту ранихъ соціалистовъ, мы должны будемъ обратиться къ многочисленнымъ послѣдователямъ и сторонникамъ Маркса, чтобы найти у нихъ хоть намеки на будущій строй.

Еще Энгельсъ говорилъ, что «задача научнаго соціализма состоитъ не въ созданіи наиболѣе совершенной формы общества, а въ анализѣ историческаго хода хозяйственнаго развитія...»

Антонъ Менгеръ горячо обрушивается на Энгельса за эти слова: «Я считаю точное описаніе наиболѣе совершеннаго строя не только вполнѣ научнымъ,—говоритъ онъ,—но прямо необходимымъ, если соціалистическое движніе хоть отчасти хочетъ достигнуть своей цѣли...»

Послѣ этого заявленія Антона Менгера въ литературѣ, критикующей марксизмъ, стало общимъ мѣстомъ бросать соціализму упрекъ, что онъ не интересуется своими конечными цѣлями.

Заслуженную отповѣдь всѣмъ этимъ ненавистникамъ соціализма далъ К. Каутскій въ предисловіи къ извѣстной книгѣ Атлантикуса «Государство будущаго». «Ни одинъ вопросъ,—

справедливо говоритъ Каутскій,—не обращаетъ на себя большаго вниманія всего культурнаго человѣчества, какъ вопросъ о цѣли, къ которой стремится все болѣе расширяющееся могучее движеніе пролетаріата... Самые оживленные споры теоретиковъ касаются именно цѣли пролетарскаго движенія... Но, понятно, мы можемъ до нѣкоторой степени изучить направленіе развитія соціалистическаго государства, но не отдѣльныя формы, которыя оно можетъ принять... Въ виду сказаннаго, соціалъ-демократія всегда отказывалась и должна была отказываться отъ какихъ бы то ни было изображеній будущаго».

Если соціалисты совершенно правильно отказываются отъ какого бы то ни было искусственнаго строительства, они указываютъ намъ тенденцію развитія. «Всѣ средства производства,—говоритъ Каутскій въ Эрфуртской программѣ,—будутъ соединены въ однѣхъ рукахъ. Въ новомъ обществѣ будетъ только единственный работодатель, котораго невозможно перемѣнить...»

Прочтите другой небольшой этюдъ Каутскаго: «На другой день... послѣ соціальной революціи», и вы увидите, какъ новое общество пролетаріевъ создастъ грандіозный государственный механизмъ, которому равно должны быть подчинены всѣ.

Эта государственная машина является экономической и логической необходимостью для проведенія въ жизнь планомѣрной организаціи общественнаго производства, составляющей сущность соціалистическаго идеала. Усмотрѣніе и инициатива отдѣльныхъ лицъ исчезаетъ. Ихъ мѣсто занимаетъ всевидящее око универсальнаго государства, подобно благодѣтельному деспоту, распредѣляющаго трудъ и изливающаго щедроты на атомы, его наполняющіе. Общество живетъ рядомъ съ личностью, но живетъ собственной жизнью, и въ этой жизни поглощается и претворяется жизнь личности. Громадное большинство новѣйшихъ соціалистовъ, правда, формально отказы-

вается отъ идеи авторитарнаго соціализма. «Государственная организація,—писалъ, напримѣръ, Бебель,—теряетъ почву и государство исчезаетъ... Съ уничтоженіемъ частной собственности и классовыхъ противоположностей отпадаетъ постепенно и государство». Какъ писалъ еще Энгельсъ, «государство не отмѣняется, оно отмираетъ». «Мы хотимъ уничтоженія государства,—восклицаетъ Лафаргъ,—мы думаемъ, что государство служитъ только оплотомъ капитализма». Но не будемъ предаваться иллюзіямъ на этотъ счетъ. Конечно, и Энгельсъ, и Каутскій, и Бебель, и Лафаргъ, и множество другихъ протестуютъ противъ современной государственной формы. Конечно, ни одинъ соціалистъ не допускаетъ въ будущемъ возможности существованія классоваго государства; но государство какъ принципъ, какъ принудительная организація, указывающая личности опредѣленный путь, останется, и не только останется, но обратится въ аппаратъ всеобъемлющей, сознательной и разумной власти, т.-е. самой тяжкой ея формы, которую только можетъ себѣ вообразить человѣческій умъ. «Пусть соціализмъ,—говоритъ тонкій юристъ Штамммлеръ, отнюдь не приверженный къ анархизму,—возстаетъ противъ содержанія существующаго права... Онъ, однако, долженъ не только сохранить юридическое принужденіе, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ вынужденъ значительно усилить его въ нѣкоторые переходные моменты, а во многихъ отношеніяхъ и укрѣпить». Конечно, въ соціалистическомъ строѣ будутъ широко осуществлены всѣ виды свободы, которые являются необходимой предпосылкой всякаго культурнаго человѣческаго общежитія: свобода совѣсти, печати, собраній, союзовъ, личная свобода и т. п. Не будетъ только одной формы свободы, но самой драгоцѣнной и самой необходимой—свободы самоопредѣленія, сознанія полной абсолютной независимости отъ кого

бы то ни было, отъ принудительныхъ организацій. Личность не будетъ въ дѣйствительности цѣлью въ себѣ. Вѣчно будетъ и должна она сознавать, что она не есть нѣчто самодовлѣющее, что внѣ ея лежитъ другое, гораздо болѣе могучее начало, которое будетъ ее всегда держать въ рабствѣ. Соціалистическій строй, такимъ образомъ, будетъ гнести не своимъ обязательнымъ трудомъ, сведеннымъ къ минимуму, и несущимъ съ собой, несомнѣнно, даже опредѣленный элементъ радости. Онъ будетъ гнести своей психикой, своимъ соціалистическимъ шовинизмомъ, который будетъ такъ же ненавистенъ и такъ же будетъ претить всякой сильной индивидуальности, какъ и современное тупое буржуазное самодовольство и безграничная вѣра въ непогрѣшимость догмата «laissez faire, laissez passer». Соціализмъ также будетъ гнать за всѣ покушенія противъ него. Упразднивъ общеобязательнаго бога, онъ создастъ свою собственную религію, религію соціализма. Разрушеніе соціалистическаго строя станетъ самой тяжкой формой человѣческаго преступленія, и соціализмъ воспитаетъ ревностныхъ и фанатическихъ служителей. Сохраненіе и охрана соціализма станутъ новымъ догматомъ и на сцену явятся новыя формы цензуры. Соціалистическая вѣра обратится въ новое орудіе угнетенія, въ новую форму власти, слѣдовательно, гибели свободной человѣческой личности. И, конечно, соціализмъ представляетъ несравненно большую опасность для нея, чѣмъ абсолютизмъ и клерикализмъ, потому что никогда тѣ не имѣли къ своимъ услугамъ такого арсенала знаній, такихъ блестящихъ умовъ, такой жестокой и вѣрной критики преходящихъ порядковъ. Извѣстный голландскій соціалистъ Ванъ-Коль писалъ недавно: «Соціализмъ, который мы защищаемъ, которому принадлежитъ будущее, есть средина между абсолютной свободой анархизма и абсолютнымъ равенствомъ коммунизма».

Вотъ почему напередъ можно предсказать кризисъ и крушеіе соціалистической идеи послѣ осуществленія соціалистическаго строя. Ея основаніе—золотая средина (juste milieu). Никогда она не будетъ въ состояніи удовлетворить вполнѣ ни человѣческаго ума ни человѣческой совѣсти. Соціализмъ есть только философія ножа и вилки. Онъ накормитъ голодающихъ и въ этомъ будетъ заключаться его безсмертная заслуга передъ человѣкомъ. Но, уничтоживъ страданія тѣла, онъ остановится въ безсиліи передъ страданіями духа; ихъ цѣлить призванъ анархизмъ.

Анархизмъ.

Изъ всѣхъ формулъ, въ которыя страдающее, мыслящее и мечтающее человѣчество облекало свои страстныя исканія общественнаго идеала,—анархизмъ, несомнѣнно, является наиболѣе возвышенной и наиболѣе полно отвѣчающей на запросы пытливой человѣческой мысли. Наиболѣе возвышенной, говорю я, потому что центральной идеей анархизма является конечное освобожденіе личности.

Ни въ одномъ міросозерцаніи экономическіе классовые интересы не играютъ такой ничтожной роли, какъ въ міросозерцаніи анархизма. Философія либерализма есть философія привилегированныхъ классовъ, соціализмъ есть философія изстрадавшагося пролетаріата, анархизмъ—философія пробудившагося человѣка. Ему равно ненавистны всѣ цѣпи, кто бы ихъ ни ковалъ; ему ненавистенъ феодальный сюзеренъ такъ же, какъ абсолютный монархъ; конституціонный парламентъ такъ же, какъ соціалистическое государство. Во всякой правительственной формѣ, во всякой организаціи власти онъ видитъ насиліе и протестуетъ противъ нихъ во имя абсолютной личной свободы.

Исторія показала, что всякая власть развращаетъ властителя. Поэтому анархизмъ—врагъ всякой власти. «Государство,—го-

ворить, напримѣръ, Бакунинъ,—есть насиліе... Оно— законный нарушитель нашей воли, постоянный отрицатель нашей свободы. Если оно приказываетъ даже сдѣлать что-нибудь хорошее, то и это хорошее оно своимъ приказаніемъ дѣлаетъ безсмысленнымъ, такъ какъ этимъ поругана свобода... Свобода, нравственность и человѣческое достоинство состоятъ въ томъ, чтобы дѣлать хорошее не по приказанію, а по собственной волѣ, по собственному убѣжденію. Но и правящіе гибнутъ, ибо свойства привилегированнаго положенія таковы, что они отравляютъ духъ и сердце человѣка. Это—законъ соціальной жизни не терпящій никакихъ исключеній, справедливый столько же къ отдѣльнымъ лицамъ и классамъ, какъ и цѣлымъ народамъ...»

Формы государства для анархизма безразличны: «Всякое народное представительство,—говоритъ Кропоткинъ,— какъ бы оно ни называлось, парламентомъ ли, конвентомъ, коммунальнымъ совѣтомъ или какъ нибудь иначе, подобно любому деспоту будетъ всегда стремиться лишь къ тому, чтобы расширить свою власть... и убить инициативу личности и группы путемъ закона»...

«Государство,—говоритъ, наконецъ американскій анархистъ Тэкеръ,—есть олицетвореніе идеи нарушенія чужого права; оно самый большой преступникъ и гораздо больше плодитъ преступниковъ, чѣмъ наказываетъ ихъ».

Но если въ вопросѣ объ отношеніи къ государству мы встрѣчаемъ среди анархистовъ полное единодушіе, то въ ихъ воззрѣніяхъ на право какъ институтъ общественной жизни такого согласія далеко не существуетъ. Это въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что анархистическое міросозерцаніе рѣзко разбивается на двѣ самостоятельныхъ и нерѣдко враждебныхъ фракціи: анархизмъ коммунистическій и анархизмъ индивидуалистическій.

Обратимся сперва къ коммунистическому анархизму. Хронологически онъ является позднѣйшимъ, но зато гораздо болѣе распространеннымъ, чѣмъ анархизмъ индивидуалистическій. Послѣдній, главнымъ представителемъ котораго въ настоящее время является Тэкеръ, насчитываетъ очень немного адептовъ въ Сѣверной Америкѣ и Великобританіи. Въ Европѣ анархистовъ-индивидуалистовъ почти не существуетъ; всѣ европейскіе анархисты—сплошь коммунисты. Въ основаніи коммунистическаго анархизма лежитъ идея солидарности, понимаемая въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Изъ цѣлаго ряда наблюденій въ біологической области анархисты-коммунисты, въ особенности же Кропоткинъ и Реклю, выводятъ грандіозный, соціологическій законъ взаимопомощи, регулирующій, по ихъ мнѣнію, жизнь человѣческихъ обществъ.

Въ извѣстномъ своемъ сочиненіи «Взаимопомощь среди животныхъ и людей» Кропоткинъ въ цѣломъ рядѣ любопытныхъ этюдовъ, посвященныхъ то міру животныхъ, то дикарямъ, то средневѣковому городу, наконецъ, нашему обществу, показываетъ, какъ законъ взаимопомощи модифицируетъ всегда и всюду законъ борьбы за существованіе. Кропоткинъ отмѣчаетъ, что еще Дарвинъ предостерегалъ своихъ послѣдователей отъ переоцѣнки его термина «борьбы за существованіе», понятаго слишкомъ узко. Въ «Происхожденіи человѣка» Дарвинъ, напримѣръ, указываетъ, «какъ въ безчисленныхъ сообществахъ животныхъ исчезаетъ борьба между отдѣльными индивидуумами изъ-за средствъ существованія, какъ борьба замѣняется коопераціей». Въ другомъ мѣстѣ Дарвинъ писалъ, что «тѣ общества, которыя будутъ заключать наибольшее количество членовъ, наиболѣе симпатизирующихъ другъ другу, будутъ и наиболѣе процвѣтать и оставятъ наибольшее количество потомковъ».

Изъ своихъ собственныхъ разнообразныхъ наблюденій. Кро-

поткинъ также выводитъ заключеніе, что взаимная помощь есть такой же законъ животной жизни, какъ и взаимная борьба. И человѣкъ, по мнѣнію Кропоткина, не является исключеніемъ въ природѣ. Онъ также подчиненъ великому принципу взаимной помощи, гарантирующей наилучшіе шансы выжить и оставить потомство.

Мы не можемъ здѣсь, да и не въ нашей компетенціи рѣшать вопросъ, насколько правъ былъ Кропоткинъ, возводя свои и чужія, разрозненныя, хоть и многочисленныя наблюденія на степень біологическаго принципа. Для насъ важно то, что этотъ принципъ является руководящимъ лозунгомъ для всей школы анархистовъ-коммунистовъ. Такимъ образомъ въ будущемъ общежитіи анархистовъ-коммунистовъ прежде всего должна быть осуществлена идея братства. Самый свой будущій строй коммунистическіе анархисты изображаютъ въ формѣ организаціи свободныхъ общинъ въ цѣляхъ общаго производства. Община есть идеальное соглашеніе между отдѣльными личностями, добровольно группирующимися въ цѣляхъ достиженія общаго интереса.

Никто не долженъ быть насильно связанъ съ общественной организаціей; всякій воленъ выйти изъ нея, когда ему вздумается, когда общество начинаетъ чѣмъ-либо стѣснять свободу индивидуальнаго самоопредѣленія. Въ этомъ обществѣ не будетъ частной собственности. Всѣ произведенные продукты будутъ принадлежать равно его членамъ, и всѣ будутъ получать изъ произведеннаго по своимъ потребностямъ.

Коммунистическіе анархисты совершенно единодушны по отношенію ко всякому установленному праву. Во всякомъ законодательствѣ они видятъ лишь средство эксплуатаціи однихъ людей другими. Всякое право, по ихъ мнѣнію, тѣсно связано съ государствомъ, этой отжившей формой насилія.

Законъ всегда и вездѣ стремится лишь къ тому, чтобы увѣковѣчить обычаи, полезные для господствующаго меньшинства.

«Если изучать милліоны законовъ,—пишетъ Кропоткинъ въ «Рѣчахъ бунтовщика», — подчиняющихъ себѣ человѣчество. легко можно замѣтить, что они подраздѣются на три обширныхъ класса: законы, защищающіе собственность, законы, защищающіе правительство и защищающіе личность... Всѣ они равно безцѣльны и вредны. Соціалисты превосходно знаютъ какую роль играютъ законы о собственности... Они служатъ не для того, чтобы обезпечить отдѣльнымъ лицамъ или обществамъ пользованіе плодами ихъ трудовъ. Наоборотъ, для того, чтобы узаконить похищеніе части продукта у его производителя и защищать похитителя. Что касается законовъ, защищающихъ правительство, то стоитъ ли его защищать, когда всѣ правительства, монархическія ли, конституціонныя или республиканскія, имѣютъ своей цѣлью удержать насиліемъ привилегіи имущихъ классовъ: аристократіи, буржуазіи, духовенства. Болѣе всего предразсудковъ существуетъ насчетъ третьей категоріи законовъ, охраняющихъ личность. Но анархисты,—восклицаетъ Кропоткинъ,—должны всюду проповѣдывать, что и эти законы такъ же вредны, какъ и всѣ остальные. Прежде всего извѣстно, что, по крайней мѣрѣ, 75% всѣхъ преступленій противъ личности внушаются желаніемъ овладѣть чужимъ богатствомъ. Эти преступленія должны исчезнуть вмѣстѣ съ исчезновеніемъ частной собственности. Что касается другихъ мотивовъ, то уменьшила ли когда-нибудь жестокость наказаній число преступниковъ? Остановился ли когда-нибудь хоть одинъ убійца изъ-за страха наказанія? Кто хочетъ убить своего ближняго изъ мести или нужды, тотъ не станетъ раздумывать надъ послѣдствіями. Каждый убійца убѣжденъ, что онъ избѣгнетъ наказанія... Если бы убійство было объявлено безнаказаннымъ,

то конечно бъ, число убійствъ не увеличилось, а сократилось, такъ какъ много убійствъ теперь совершается рецидивистами, испорченными въ тюрьмѣ».

Но... если положительное законодательство исчезнетъ, это не значитъ, что должно исчезнуть «право вообще». Это право будетъ заключаться въ высшемъ, естественномъ правѣ для всякаго анархиста, не слушаться ни кого другого и дѣйствовать только по своему личному усмотрѣнію. Разумѣется, и отдѣльныя лица и общины, въ представленіи анархистовъ-коммунистовъ, могутъ вступать въ договоры, но и обязательства по отношенію къ договорамъ имѣютъ границы. «Человѣческая справедливость,—говоритъ Бакунинъ,—не знаетъ вѣчныхъ обязанностей. Всѣ права и обязанности основаны на свободѣ. Право свободнаго объединенія и распаденія есть первое и главное изъ всѣхъ политическихъ правъ».

Наконецъ, всѣ анархисты-коммунисты считаютъ одну правовую норму общеобязательной для осуществленія своихъ идеаловъ: чтобъ земля и всѣ орудія и средства производства принадлежали обществу.

Совершенно отрицаетъ право и Л. Толстой, занимающій особое мѣсто въ ряду анархистовъ-коммунистовъ. «Законы,—говоритъ онъ въ «Царствіи Божіемъ»,—суть произведенія корысти, обмана, борьбы партій... въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть истинной справедливости... Признаніе какихъ бы то ни было... особенныхъ законовъ есть признакъ самаго дикаго невѣжества».

Такимъ образомъ коммунистическій анархизмъ какъ-будто сметаетъ всѣ общественные институты нашего времени: законы, собственность, государство.

Посмотримъ, что же такое индивидуалистическій анархизмъ?

Истиннымъ родоначальникомъ индивидуалистическаго анар-

хизма является замѣчательный писатель, мало оцѣненный еще и въ настоящее время: Іоганнъ Каспаръ Шмидтъ.

Въ 1845 году онъ выпустилъ свою знаменитую книгу «Der Einzige und sein Eigenthum» (Личность и ея собственность), подъ именемъ Макса Штирнера. Книга эта, по справедливому замѣчанію Штаммлера, представляетъ собою самую смѣлую попытку, какая когда-либо была предпринята,—попытку сбросить съ себя всякій авторитетъ.

Для личности Штирнера нѣтъ никакого долга, никакого моральнаго закона; даже признаніе какой-нибудь истины для нея невыносимо: оно налагаетъ, по его мнѣнію, оковы на свободную человѣческую личность. «До тѣхъ поръ, пока ты вѣришь въ истину,—говоритъ Штирнеръ,—ты не вѣришь въ себя; слѣдовательно ты—рабъ, ты—религіозный человѣкъ. Между тѣмъ ты самъ—истина... Ты больше истины, которая ничто въ сравненіи съ тобою».

Центральная идея, проникающая всю философію Штирнера, есть идея личнаго блага. «Я»—единственный властелинъ, предъ которымъ все должно склониться; внѣ «я» и за «я» ничто не существуетъ. «Не все ли мнѣ равно,—думаетъ Штирнеръ,—какъ я поступаю, человѣчно ли, либерально, гуманно или наоборотъ; всѣ эти вопросы меня не касаются, если я удовлетворяю себя чѣмъ-нибудь. Если я достигаю того, чего хочу, то все остальное мнѣ безразлично... потому что все, что я дѣлаю, я дѣлаю ради себя... Ты для меня ни что иное, какъ пища, такъ же, какъ и я для тебя; мы взаимно истребляемъ другъ друга...»

Послѣ этихъ утвержденій необычайной силы, что такое право и государство для Штирнера?

Права нѣтъ; право заключается во власти. Я имѣю право на все, что могу я осилить. Я имѣю право низвергнуть Зевса, Іегову, Бога, если только я въ силахъ это сдѣлать... «Я» строю все на

своемъ «я», такъ какъ «я», точно такъ же, какъ Богъ, есть отрицаніе всего остального. «Я»—все! «Я»—единый!

Предъ этой всеобъемлющей личностью государство исчезаетъ; оно претворяется въ ея сознаніи. Вмѣсто него личности Штирнера образуютъ своеобразную форму сожительства, названную имъ «союзомъ или ферейномъ эгоистовъ». Всѣ члены этого союза будутъ жить своими собственными личными законами; они не будутъ одурманены, какъ въ обыкновенномъ человѣческомъ обществѣ, различными соціальными обязанностями. Общество всегда надъ тобой, «союзъ эгоистовъ»—орудіе въ твоихъ рукахъ; общество пользуется тобою, союзомъ пользуешься ты!

Невольно рождается вопросъ, что же Штирнеръ ждетъ полнаго прекращенія общественной жизни?

Эгоистическая философія отвѣчаетъ на это безусловнымъ отрицаніемъ. Нѣтъ! человѣкъ всегда будетъ нуждаться въ другомъ человѣкѣ; онъ не можетъ существовать въ одиночествѣ; но разница между прежнимъ обществомъ и новымъ строемъ, замышленнымъ Штирнеромъ,—та, что прежде люди были связаны, а въ «союзѣ эгоистовъ» они будутъ объединяться добровольно въ зависимости отъ нужды во взаимныхъ услугахъ.

Во всей необъятной литературѣ анархизма мы не встрѣчаемъ принципа индивидуализма, проведеннаго съ такой силой и страстностью черезъ все ученіе, какъ въ теоріи Штирнера.

Въ своихъ философскихъ основаніяхъ индивидуалистическій анархизмъ, въ сущности, послѣ Штирнера не сдѣлалъ ни одного шага дальше. Поэтому, мы лишь въ двухъ словахъ очертимъ интересную физіономію Тэкера, являющагося наравнѣ съ Маккэемъ въ настоящее время единственнымъ крупнымъ представителемъ индивидуальной фракціи анархизма.

Конечно, и для Тэкера личная выгода является высшимъ закономъ жизни.

Въ противоположность анархистамъ-коммунистамъ, строящимъ свою философію на идеѣ солидарности, индивидуалистическіе анархисты своей жизненной философіей должны, по мнѣнію Тэкера назвать «эгоизмъ». Но, признавая эгоизмъ единственной движущей силой человѣка, Тэкеръ изъ него выводитъ законъ равной свободы для всѣхъ. Именно въ ней эгоизмъ и власть личности находятъ свой логическій предѣлъ. Въ этой необходимости признавать и уважать свободу другихъ кроется и источникъ правовыхъ нормъ, основанныхъ на общей волѣ.

Такимъ образомъ индивидуалистическій анархизмъ не только допускаетъ право, какъ результатъ соглашенія общины, но, какъ мы увидимъ позже, угрожаетъ даже серьезными наказаніями тѣмъ, кто попытается нарушить такую правовую норму.

Но, конечно, самымъ оригинальнымъ моментомъ въ ученіи индивидуалистическаго анархизма является рѣшительное допущеніе имъ частной собственности. Проблема, стоявшая передъ индивидуалистами, была такова: допустимо ли въ анархическомъ обществѣ, чтобъ отдѣльная личность пользовалась средствами производства на началахъ частной собственности. Если бъ индивидуалистическій анархизмъ отвѣтилъ отрицательно, онъ высказался бы этимъ самымъ за право общества вторгаться въ индивидуальную сферу. И абсолютная свобода личности, являющаяся символомъ всего ученія, стала бы фикціей. Онъ избралъ второе и институтъ частной собственности на средства производства и землю,—другими словами, право на продуктъ труда возродились въ индивидуалистическомъ анархизмѣ.

Передъ нами двѣ анархистическія доктрины. Обѣ говорятъ намъ о полной рѣшительной эмансипаціи личности. Мы видѣли, какъ возвышенны идеалы, вдохновлявшіе творцовъ анархизма. Но ищущему свѣта не нужно позволять ослѣплять себя его блескомъ. Нужно итти къ его источнику. Попытаемся и мы,

вооружившись безстрастьемъ, критически отнестись къ обѣимъ формамъ анархизма.

Первый вопросъ, вопросъ исключительной важности, который будетъ насъ занимать,—вопросъ, дѣйствительно ли современный анархизмъ представляетъ собою высшую форму развитія индивидуалистической мысли? На первый взглядъ такой вопросъ можетъ показаться пустымъ и праздным. Можно ли сомнѣваться въ индивидуалистическомъ характерѣ философіи анархизма, когда всѣ его проповѣдники только и толкуютъ, что о полной эмансипаціи личности, свободѣ самоопредѣленія, категорическомъ отрицаніи всего, лежащаго внѣ индивида и такъ далѣе и такъ далѣе.

Но не слѣдуетъ смущаться всѣми этими торжественными заявленіями. На ряду съ ними мы слышали и о правовыхъ нормахъ и объ общей волѣ, связывающей членовъ общинъ, наконецъ о необходимости уваженія чужихъ правъ и даже частной собственности.

Дѣйствительно, коммунистическій анархизмъ прежде всего не есть индивидуализмъ.

Въ изумительной по богатству эрудиціи книгѣ французскій *анархистъ Амонъ посвящаетъ цѣлую главу рѣшенію этого волнующаго насъ вопроса: не есть ли анархизмъ фракція соціализма? Послѣ добросовѣстнаго изслѣдованія цѣлыхъ грудъ анархистической литературы*, онъ приходитъ къ неотразимому выводу, что коммунистическій анархизмъ есть лишь фракція соціализма.

Индивидуалистическіе анархисты, какъ, напримѣръ, Тэкеръ, а за нимъ и голландскій анархистъ Домела-Ньювенгуисъ полагаютъ, что анархизмъ и коммунизмъ суть два взаимоисключающихъ понятія. Тэкеръ отрицаетъ всякое право за Кропоткинымъ, Реклю, Мостомъ, Списомъ, Гравомъ и другими называть

себя анархистами. «Они—коммунисты, соціалисты», но только не анархисты, говоритъ онъ.

Въ одномъ изъ русскихъ органовъ коммунистическаго анархизма мы находимъ слѣдующую страстную реплику противъ индивидуалистическаго пониманія анархизма: «Анархизмъ не есть индивидуализмъ. Анархизмъ признаетъ для всѣхъ равноправность существованія и самозащиты отъ чьихъ бы то ни было экономическихъ и политическихъ посягательствъ. Анархизмъ не говоритъ: «Я—выше всѣхъ», онъ говоритъ: «я равенъ каждому; но ни отдѣльной личности, ни многимъ я не подчиняюсь, я—хозяинъ своихъ поступковъ. Анархизмъ не есть отрицаніе общества, не есть отрицаніе организаціи... Путемъ организаціи свободныхъ личностей, добровольно вкладывающихъ свой трудъ въ общественное—оно же и личное—дѣло, человѣчество можетъ проявить наивысшую сумму энергіи и достигнуть наибольшихъ результатовъ въ приспособленіи природы для своихъ цѣлей».

Не есть ли эти слова самое яркое исповѣданіе соціалистической доктрины. И соціализмъ въ основу своихъ построеній кладетъ равноправность существованія; и соціализмъ обѣщаетъ въ соціалистическомъ строѣ полную свободу личности; и соціализмъ видитъ въ организаціи свободныхъ людей недостижимыя инымъ путемъ экономическія преимущества. Слѣдовательно, между соціалистической доктриной и коммунистическимъ анархизмомъ нѣтъ принципіальной разницы, несмотря на безчисленныя отлученія, которыми осыпаютъ другъ друга соціалисты и анархисты.

Міросозерданіе анархистовъ-коммунистовъ враждебно міросозерданію только такъ называемыхъ авторитарныхъ или государственныхъ соціалистовъ. Но развѣ мы не видѣли уже изъ предыдущей лекціи, что всѣ выдающіеся изъ современныхъ

представителей соціалъ-демократіи тоже отступаютъ передъ грознымъ призракомъ государства—Левіаѳана?

Все ученіе анархистовъ-коммунистовъ представляетъ изъ себя компромиссъ между стремленіемъ къ абсолютной свободѣ индивида и тѣми ограниченіями, которыя необходимо налагаетъ всякая соціальная жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, идеальный строй коммунистическаго анархизма есть организація свободныхъ общинъ, вступающихъ между собой въ договорныя отношенія. Слѣдовательно, и коммунистическіе анархисты признаютъ, что соціальная жизнь безъ организаціи, безъ той или иной формы внѣшняго регулированія является невозможной. Но въ «любомъ соглашеніи между людьми,—справедливо говоритъ Штаммлеръ,—уже находится сама по себѣ извѣстная модификація и извѣстное регулированіе естественной жизни каждаго отдѣльнаго человѣка».

Всякое неисполненіе или уклоненіе отъ соглашенія представляетъ уже собою нарушеніе чужого права. Если анархизмъ мирится съ такимъ порядкомъ, онъ кореннымъ образомъ извращаетъ тотъ принципъ, который положенъ въ основу всего его ученія: принципъ равноправности членовъ, принципъ абсолютнаго равенства, какъ логическій выводъ абсолютной свободы всѣхъ индивидовъ, объединенныхъ въ союзъ. Если же анархизмъ не желаетъ мириться съ тѣмъ хаосомъ, который является неизбѣжнымъ результатомъ такого порядка отношеній, онъ долженъ создавать карательныя нормы, законъ,—все то, противъ чего онъ такъ страстно борется. И коммунистическіе анархисты, чтобъ защитить свой любимый, общественный идеалъ отъ упрековъ въ хаотичности и безпорядкѣ не останавливаются передъ послѣднимъ. Да, они должны признать въ отдѣльныхъ случаяхъ и принудительныя нормы. «Въ будущемъ,—говоритъ, напримѣръ, Бакунинъ,—будутъ существовать только такія нормы,

которыя будутъ опираться на волю всѣхъ и повиновеніе которымъ въ нужныхъ случаяхъ будетъ принудительное». То же самое, говоритъ и Кропоткинъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ« Рѣчей бунтовщика» или «Завоеванія хлѣба». Боязнь быть удаленнымъ изъ общины или союза является, по мнѣнію Кропоткина, достаточной угрозой на тотъ случай, если бы кто вздумалъ отказать въ повиновеніи общей волѣ...

Но развѣ эта угроза не страшнѣе тѣхъ кодексовъ, которые насоздавала буржуазія для усмиренія безпокойныхъ гражданъ? Куда идти анархисту съ его свободой самоопредѣленія, изгнанному изъ предѣловъ его общины; и въ чемъ же, наконецъ, принципіальная разница между такимъ принудительнымъ удаленіемъ и наказаніями, которыя расточаетъ современный режимъ? Анархизмъ обѣщаетъ дать полный просторъ индивидуальной волѣ, но ея тамъ нѣтъ, гдѣ есть организація, гдѣ есть принужденіе, гдѣ есть общая воля.

Даже тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ принужденій, какъ въ пасторальныхъ идилліяхъ Толстого, гдѣ непротивленіе злу является единственной инстанціей, рѣшающей соціологическіе и психологическіе вопросы, кто можетъ поручиться, что послѣ трехъ дней безмятежнаго, счастливаго существованія не выплывутъ неожиданно всѣмъ хорошо знакомыя фигуры земскаго начальника или урядника. И что же съ ними дѣлать, если учитель говоритъ: «Не противься злу».

Послѣ всего вышесказаннаго отрицаніе анархизмомъ политическихъ формъ, принципа централизаціи является уже мало существеннымъ для философскаго освѣщенія анархизма.

И съ формальной стороны и со стороны внутренняго содержанія коммунистическій анархизмъ представляетъ собой, такимъ образомъ, не болѣе какъ этапъ, правда, могучій въ развитіи общей соціалистической мысли. Это—либертарный соціа-

лизмъ, который бросилъ міру новыя великія идеи, но который оказался совершенно не въ силахъ наполнить свои соблазняющія формулы конкретнымъ содержаніемъ.

Болѣе продуманнымъ и законченнымъ представляется намъ анархизмъ индивидуалистическій, но и онъ вопреки своему названію не можетъ быть названъ торжествомъ индивидуалистической идеи. Если насъ уже страшили тѣ принудительныя велѣнія, которыми располагалъ коммунистическій анархизмъ, то средства для поддержанія гармоніи и порядка въ индивидуалистическомъ анархизмѣ намъ кажутся просто чудовищными.

Въ цѣломъ рядѣ своихъ сочиненій Прудонъ съ поразительной наивностью развиваетъ свою идею договора: общество истинно свободныхъ людей можетъ и должно быть построено только на идеѣ свободнаго договора. Но разъ договоръ заключенъ, человѣкъ становится его рабомъ, ничто не можетъ отклонить его отъ исполненія священнаго обязательства, принятаго на себя добровольно. Страшныя наказанія грозятъ въ случаѣ его нарушенія. Въ отдѣльныхъ случаяхъ оно можетъ повлечь за собой не только исключеніе изъ анархистическаго строя, но и смертную казнь!

И—увы!—Прудонъ является далеко не единственнымъ въ ряду тѣхъ печальныхъ анархистовъ, которые договариваются до смертной казни. Правовыя нормы, установленныя общей волей, по мнѣнію Тэкера, должны быть защищаемы всѣми средствами. Нельзя останавливаться ни передъ тюрьмой, ни передъ пыткой, ни даже смертной казнью.

Если бы даже индивидуалистическій анархизмъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворялъ вполнѣ потребности человѣческаго духа, то уже одно допущеніе возможности подобнаго реагированія со стороны общественнаго организма является полнымъ ниспроверженіемъ всѣхъ индивидуалистическихъ идеаловъ.

Можно ли говорить о свободѣ личности въ томъ строѣ, гдѣ ею жертвуютъ въ случаѣ нарушенія, хотя бы и самаго священнаго договора? Слѣдовательно, и здѣсь, какъ и въ коммунистическомъ анархизмѣ мы сталкиваемся съ той же трагической невозможностью—разрѣшить величайшую проблему человѣческаго духа.

Критическая работа, исполненная анархизмомъ, колоссальна. Онъ перевернулъ всѣ точки отправленія и офиціальныхъ и непризнанныхъ общественныхъ философій! Впервые въ ослѣпительно-яркой картинѣ развернулъ онъ мощь и богатство человѣческой природы. Безграничное развитіе человѣческаго духа, нестѣсняемое никакими внѣшними преградами и условіями,—такова была соціально-философская программа, которую онъ начерталъ на своемъ знамени. Но рядомъ съ этой грандіозно-поставленной задачей еще болѣе бросается въ глаза убогое нищенство тѣхъ средствъ, которыми пытался онъ провести свою программу въ жизнь. Ни одинъ еще анархистъ, безъ различія толковъ, не сумѣлъ показать, что излюбленный имъ общественный идеалъ является необходимой стадіей историческаго развитія, что никакія человѣческія несправедливости, никакія человѣческія учрежденія и насилія не помѣшаютъ восторжествовать анархическому идеалу. Называя себя эволюціонистами они въ сущности остаются утопистами добрыхъ старыхъ временъ и ихъ экономическія построенія и положенія, несмотря на кажущуюся серьезность, постоянно сбиваются на старый романтическій ладъ.

Состояніе, которое переживаетъ современный анархизмъ, въ высшей степени напоминаетъ ту эпоху въ развитіи соціалистической мысли, когда впервые надъ нею былъ призванъ работать К. Марксъ. Тѣ же мечтанія, то же хожденіе ощупью, тѣ же неспособность и неумѣнье не только разрѣшить, но и поставить проблему.

Та грандіозная задача, которая была выполнена Марксомъ по отношенію къ соціализму, еще даже и не поставлена для анархизма. Марксъ далъ гигантскій синтезъ соціалистической мысли. Для анархизма подобная работа еще не начиналась.

Даже въ произведеніяхъ выдающихся представителей современной анархистической доктрины мы будемъ поражены слабостью теоретической аргументаціи. Конечно, паѳосъ сердца, трепетъ страданья, которыми проникнуты многія вдохновенныя страницы Кропоткина или Реклю, невольно заражаютъ читателя; но въ этихъ книгахъ, писанныхъ кровью сердца, нѣтъ той неумолимой логики фактовъ, которая не только трогаетъ, но и убѣждаетъ.

Анархистическая доктрина только тогда сумѣетъ прочно встать на ноги, только тогда она выпрямится во весь ростъ, когда сумѣетъ доказать свою соціологическую и психологическую необходимость. Между тѣмъ всѣ средства, рекомендуемыя анархизмомъ, сводятся къ пропагандѣ любимыхъ идей или къ подготовкѣ въ ближайшемъ будущемъ соціальнаго переворота. Съ простодушіемъ дѣтей вѣрятъ анархисты, что успѣхъ ихъ идеи можетъ наступить уже завтра. Всѣ коммунистическіе анархисты и громадное большинство индивидуалистическихъ убѣждены, что анархистическій строй можетъ явиться непосредственно наслѣдникомъ буржуазнаго режима. Но, доказательствъ нѣтъ! Всѣ вопросы рѣшаютъ лишь стремленія сердца или личная убѣжденность.

Однако отсюда еще очень далеко, чтобы признать анархистическій идеалъ неосуществимымъ. Несомнѣннымъ свидѣтельствомъ его жизненности можетъ служить уже то обстоятельство, что имъ увлекались и продолжаютъ увлекаться выдающіеся мыслители, ученые, художники. Идеи анархизма носятся въ воздухѣ; онѣ завоевываютъ все больше и больше симпатіи

массъ; анархистическія общества, журналы, посвященные разработкѣ анархистическихъ идей, непрерывно растутъ. Въ 1896 году Элизе Реклю, съ чувствомъ законной гордости рекомендовалъ читающей публикѣ объемистую книгу Неттлау, посвященную спеціально библіографіи анархизма. Всѣ эти соображенія, точно такъ же, какъ болѣе чѣмъ пятидесятилѣтняя хронологическая давность анархистической идеи, лучше всего свидѣтельствуютъ ея жизнеспособности.

Слѣдовательно, задача, лежащая предъ всѣми настоящими и будущими анархистами, предъ всѣми, кому дорого освобожденіе личности, должна заключаться въ томъ, чтобы показать, что анархистическій строй долженъ быть логически неизбѣжнымъ выводомъ предыдущаго историческаго развитія, что въ современныхъ общественныхъ условіяхъ зрѣютъ тѣ силы, которыя являются необходимой предпосылкой будущаго анархическаго общества.

Конецъ моей лекціи я и желаю посвятить попыткѣ рѣшенія капитальной проблемы анархизма. Мы заранѣе опускаемъ всѣ мелочи и детали, мы намѣтимъ только основныя тенденціи, которыя должны освѣтить нашъ путь.

Задача, подлежащая нашему рѣшенію, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Какимъ образомъ можно осуществить абсолютную свободу индивида, не прекращая общественной жизни?

Абсолютная свобода индивида, понимаемая въ смыслѣ полной независимости отъ внѣшнихъ человѣческихъ установленій,— невозможна въ соціальной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, соціальная жизнь, какъ замѣтилъ еще Штаммлеръ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи «Хозяйство и Право», есть «нѣчто иное и большее, чѣмъ простой фактъ совмѣстнаго существованія людей въ пространствѣ и времени. Соціальная жизнь есть

особый видъ совмѣстной жизни». Но, чѣмъ же отличается соціальная жизнь отъ простого физическаго сосуществованія людей? Отличіе лежитъ въ постоянствѣ и необходимости сношеній между людьми, участвующими въ данной формѣ соціальной жизни.

Но постоянство и необходимость сношеній требуютъ извѣстнаго внѣшняго регулированія, и вотъ этотъ внѣшній распорядокъ человѣческихъ отношеній одинъ только и можетъ служить характернымъ признакомъ понятія «соціальной жизни».

Слѣдовательно, соціальная жизнь есть «внѣшнимъ образомъ упорядоченная совмѣстная жизнь людей».

Всякій внѣшній порядокъ есть предположеніе извѣстной организаціи, но всякая организація, какъ общественный принудительный моментъ, является антиноміей по отношенію къ свободѣ личности.

Такимъ образомъ основной идеалъ анархизма и соціальная жизнь суть двѣ непримиримыя противоположности. Слѣдовательно, для осуществленія анархистическаго идеала нужно искать такой формы сосуществованія людей, которая, допуская возможность сношеній между людьми, отвергала бы самую мысль о какомъ-либо внѣшнемъ распорядкѣ или регулированіи.

Но какимъ цѣлямъ можетъ служить организація, какъ таковая, въ будущемъ обществѣ? Если мы всмотримся ближе въ сущность историческаго процесса, развивающагося передъ нами, мы замѣтимъ двѣ основныя, но прямо противоположныя и враждебныя другъ другу тенденціи.

Съ одной стороны, человѣческая личность съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе самостоятельной. Каждый новый ея шагъ, каждая ея крупная политическая перемѣна, каждая новая революція есть завоеваніе въ смыслѣ расширенія ея правъ.

Начало внѣшняго принужденія начинаетъ играть по отношенію къ ней все меньшую и меньшую роль.

Наоборотъ, другая тенденція заключается въ томъ, что вмѣстѣ съ развитіемъ культуры неудержимо растутъ и задачи общественнаго союза. Полномочія его расширяются, и онъ закрѣпляетъ свои позиціи желѣзной организаціей. Если для иллюстраціи первой тенденціи мы можетъ сослаться на полное освобожденіе человѣка отъ религіозныхъ путъ вмѣстѣ съ возвѣщеніемъ свободы совѣсти во всѣхъ культурныхъ государствахъ современнаго типа, то яркимъ примѣромъ второй тенденціи можетъ служить постоянный и чудовищный ростъ государственнаго бюджета, который знаменуетъ собой разрастаніе общественной или, какъ ея выраженія, государственной дѣятельности.

Однако если мы будемъ изучать эволюцію второй тенденціи въ историческомъ процессѣ, мы убѣдимся въ томъ, что ростъ общественной власти насчетъ личности въ настоящее время возможенъ и терпимъ только въ экономической области. Такимъ образомъ всѣ внѣшнія организаціи, загромождающія нашъ міръ и пугающія насъ призракомъ близкаго человѣческаго закрѣпощенія, создаются исключительно въ хозяйственныхъ цѣляхъ.

Слѣдовательно, наша задача, поставленная выше объ отысканіи такой формы общежитія, которая не требовала бы внѣшняго порядка или урегулированія, теперь упрощается. Намъ нужно найти такую форму человѣческаго сосуществованія, которая обходилась бы въ своей хозяйственной дѣятельности безъ всякой внѣшней организаціи, т.-е. не заключала бы въ себѣ никакого принудительнаго элемента.

Наше рѣшеніе сводится къ слѣдующему. Величайшимъ рычагомъ экономическаго прогресса является моментъ раздѣленія труда или, какъ говорятъ экономисты, диференціаціи

функцій. Было бы крупнѣйшимъ заблужденіемъ полагать, что въ раздѣленіи труда мы имѣемъ дѣло съ исключительно новымъ моментомъ, впервые всплывающимъ на общественную поверхность съ буржуазнымъ способомъ производства. Если мы опустимся въ глубь вѣковъ, еще въ первобытныя формы хозяйства, и тамъ мы увидимъ домашнее раздѣленіе труда и своеобразное возникновеніе профессіональнаго начала. Античный строй, или хозяйство древней Греціи и Рима, уже былъ знакомъ съ раздѣленіемъ труда въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Голландецъ Попма, писатель XVII вѣка, сообщаетъ, напримѣръ, что въ предѣлахъ одного ойкоса, т.-е. римскаго домохозяйства, исполнялось рабами до 150 разнообразныхъ функцій. Несравненно большаго расцвѣта достигаетъ раздѣленіе труда въ первой исторической формѣ крупнаго предпріятія — мануфактурѣ XVII вѣка.

Съ величайшимъ энтузіазмомъ знаменитый шотландецъ Адамъ Смитъ описываетъ въ своемъ «Богатствѣ Народовъ» благодѣтельные результы раздѣленія труда и повѣствуетъ намъ о чудесахъ техники своего времени. Но, конечно, онъ пришелъ бы въ еще большій экстазъ, если бы могъ подглядѣть тайны современнаго производства.

Изумительная спеціализація труда при капиталистическомъ способѣ производства дѣлаетъ изъ каждаго рабочаго виртуоза, она создаетъ ту быстроту производства продукта и возможность его удешевленія благодаря этому, которыя такъ характерны для современнаго намъ хозяйства. Въ этомъ смыслѣ раздѣленіе труда есть величайшее завоеваніе человѣческаго генія. Безъ него немыслимъ *хозяйственный прогрессъ*.

Но рядомъ съ этими колоссальными, положительными заслугами раздѣленіе труда представляетъ одну изъ самыхъ грозныхъ и печальныхъ страницъ въ исторіи рабочаго класса.

Раздѣленіе труда въ современной его формѣ превращаетъ живую рабочую силу въ мертвый автоматъ, бездушный механизмъ, въ которомъ безвозвратно гибнутъ всѣ интеллектуальныя потребности и способности. «Для раздѣленія труда въ современномъ обществѣ,—писалъ Марксъ въ полемическомъ сочиненіи противъ Прудона «Нищетѣ Философіи»,—характерно именно то, что оно порождаетъ спеціальность, спеціалистовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свойственный спеціалисту-ремесленнику идіотизмъ». «Машина,—гласитъ Эрфуртская программа,—лишаетъ трудъ всякаго духовнаго содержанія. Онъ становится придаткомъ къ машинѣ».

Въ русской литературѣ нерѣдко слышались голоса, вносившіе диссонансъ въ буржуазные дифирамбы. Мы можемъ указать на Чернышевскаго, позже—на Михайловскаго. Очевидно, что съ этимъ великимъ зломъ необходима борьба, но какими средствами? Невозможно вѣдь согласиться съ тѣми, которые желая облегчить положеніе рабочаго, предлагали, чтобы онъ переходилъ въ процессѣ производства отъ одной функціи къ другой. Такая организація труда знаменовала бы собой возвращеніе къ мануфактурѣ добраго стараго времени. Она перевернула бы вверхъ дномъ современный, стройно налаженный хозяйственный механизмъ. Отказъ отъ завоеваній техники, результата тяжкихъ и долгихъ усилій человѣка, былъ бы непростительнымъ шагомъ назадъ. Всѣ остальные способы суть палліативы, не рѣшающіе радикально задачи и могущіе лишь временно облегчить судьбы человѣка. Къ нимъ относятся, напримѣръ, борьба за фабричное законодательство, за сокращеніе рабочаго дня, за фабрично-заводскую плату, просвѣтительныя учрежденія. Все это, конечно, болѣе вѣрныя средства, чѣмъ сентиментальныя мечтанія на средневѣковый ладъ. Но всѣ они не устраняютъ самаго принципа раздѣленія труда, они

мирятся съ нимъ и такимъ образомъ признаютъ необходимость внѣшней хозяйственной организаціи.

Но есть средство, могущее избавить человѣчество и отъ всякихъ внѣшнихъ организацій и отъ всякихъ послѣдствій раздѣленія труда. Оно заключается въ слѣдующемъ: наблюдая эволюцію современной машины, мы видимъ, что по мѣрѣ того, какъ машина становится сложнѣе, функціи ея становятся проще. Изъ мастера-виртуоза, приготовляющаго, если не цѣликомъ весь продуктъ, то извѣстную его часть, рабочій все болѣе и болѣе превращается въ наблюдателя за машиной; машина работаетъ сама, рабочій же только управляетъ ею. И чѣмъ дальше идетъ техническій прогрессъ, тѣмъ подобная тенденція обнаруживается все ярче и сильнѣе. Всѣ экономисты, изучавшіе и изучающіе машинное хозяйство нашего времени, единогласно утверждаютъ, что къ современному рабочему производство предъявляетъ только одно главное требованіе: интеллигентности. Для того, чтобыслѣдить за современной машиной необходимо пониманіе ея конструкціи и вниманіе къ ней во время работы. Въ «Теоретической Кинематикѣ» Рело доказалъ, что «существуетъ, такъ сказать, одна философія для всевозможныхъ машинъ. Самая сложная машина можетъ быть сведена къ немногимъ элементамъ: пластинкамъ, цилиндрамъ, конусамъ и т. п., и также къ немногимъ инструментамъ: пилямъ, стамезкамъ, молоткамъ и пр. Несмотря на все разнообразіе машинъ, оно можетъ быть подчинено немногимъ видоизмѣненіямъ движенія, какъ, напримѣръ, круговое движеніе можетъ быть измѣнено въ прямолинейное, при помощи нѣкоторыхъ эксцентриковъ». Точно такъ же и всякое ремесло распадается на составныя части, которыя легко изучить и тогда нетрудно овладѣть цѣлымъ рядомъ ремеслъ. Именно, основываясь на этихъ и подобныхъ имъ соображеніяхъ, Кропоткинъ въ своей

превосходной книгѣ «О земледѣліи, фабрично-заводской и кустарной промышленности и ремеслахъ» горячо ратуетъ за интегральное образованіе, т.-е. за соединеніе чисто научнаго образованія съ техническимъ. И если современныя машины требуютъ отъ работниковъ, стоящихъ при нихъ, прежде всего интеллигентности и образованія, то качества эти давно уже не являются исключительной принадлежностью зажиточной буржуазіи.

Наоборотъ, съ каждымъ днемъ пролетаріатъ даетъ все болѣе и болѣе драгоцѣнныя доказательства своей интеллектуальной и нравственной зрѣлости.

Пролетаріатъ, создавшій могучія политическія партіи, объединившійся въ грандіозные профессіональные союзы, породившій неисчерпаемую по своему внутреннему и внѣшнему богатству литературу, можетъ не только учиться у привилегированныхъ классовъ, но можетъ кой чему научить ихъ и самъ.

Слѣдовательно, эволюціи машины страшиться намъ нечего; человѣкъ отъ нея никогда не отстанетъ. Но если это такъ, если на самомъ дѣлѣ человѣку необходимо только образованіе для того, чтобы постичь наибольшее количество механизмовъ—очевидно, человѣчеству предстоитъ новая революція, превосходящая своими размѣрами все то, что мы видѣли до сихъ поръ.

Процессъ дифференціаціи функцій, раздѣленіе труда смѣнится другимъ колоссальнымъ процессомъ, процессомъ интеграціи, процессомъ обратнаго собиранія функцій. Человѣкъ будетъ въ состояніи одинъ собственными силами произвести цѣликомъ тотъ продуктъ, въ которомъ онъ нуждается. Ему не нужны будутъ помощники; не нужны будутъ спеціалисты въ отдѣльныхъ отрасляхъ хозяйства. Онъ станетъ самодовлѣющей хозяйственной единицей.

Для человѣка откроется новая эпоха владычества надъ природой, надъ всѣмъ окружающимъ. Прежнее техническое безсиліе отдѣльныхъ личностей смѣнится ея полнымъ техническимъ могуществомъ. Отнынѣ необходимый человѣку продуктъ не долженъ будетъ пробѣгать черезъ тысячи человѣческихъ рукъ, прежде чѣмъ онъ достигнетъ потребителя, того, кто въ немъ нуждается.

Такимъ образомъ мы стоимъ передъ разрѣшеніемъ величайшей соціальной задачи. Процессъ интеграціи есть процессъ уничтоженія всякихъ внѣшнихъ организацій, всякихъ принудительныхъ учрежденій.

Конечно, противъ начертаннаго плана можно представить тысячи возраженій; тысячи разнообразныхъ вопросовъ, быть-можетъ, сейчасъ и неразрѣшимыхъ, можетъ возбудить подобная соціальная схема. Но... во-первыхъ, мы указываемъ только тенденцію, только направленіе, въ которомъ должна сложиться соціально-экономическая жизнь. Во-вторыхъ, мы признаемъ, что разнообразные факторы могутъ вторгаться извнѣ въ эту тенденцію и такъ или иначе ее модифицировать. Въ-третьихъ, самая эволюція будетъ мучительной и сложной; наконецъ, царству абсолютной хозяйственной независимости человѣка, а, слѣдовательно, его полной эмансипаціи долженъ предшествовать соціалистическій строй. Какъ нельзя было перескочить либерализмъ и буржуазныя формы хозяйства, даже если бъ ясны были весь тотъ ужасающій гнетъ, та варварская, ледяная эксплуатація, которая готовилась міру вмѣстѣ съ буржуазной революціей, такъ неизбѣженъ на нашъ взглядъ и соціалистическій строй, съ его долгими подготовительными стадіями, несмотря на весь ужасъ его торговыхъ сдѣлокъ съ либералами и ихъ правительствами и на ту инквизиціонную моральную цензуру, которую намъ готовитъ ихъ будущее государство.

Анархисты въ громадномъ большинствѣ случаевъ, какъ мы говорили раньше, совершенно отрицаютъ необходимость прохожденія соціалистической стадіи. Помимо расчетовъ на добрые инстинкты, заложенные въ человѣческой природѣ, и упованій на какую-то естественную гармонію, долженствующую управлять отношеніями людей, они горячо оспариваютъ основную посылку современнаго соціализма—о концентраціи капитала. Съ цифрами въ рукахъ они стараются опрокинуть основной постулатъ марксизма и доказать, что въ современныхъ хозяйственныхъ условіяхъ нѣтъ указаній на необходимость гибели мелкаго хозяйства.

Разумѣется, и холодная догма ортодоксальныхъ марксистовъ, осуждающихъ всякую мелкую промышленность на неизбѣжную гибель въ ближайшемъ будущемъ, и современные романтики на средневѣковый ладъ, мечтающіе о ремеслѣ—золотомъ днѣ давно прошедшихъ временъ, заключаютъ въ себѣ изрядную дозу чисто полемическаго увлеченія; но тѣмъ не менѣе, если мы съ надлежащимъ хладнокровіемъ подойдемъ къ тому колоссальному матеріалу, который имѣется въ настоящее время о крупномъ и мелкомъ производствѣ; если мы сумѣемъ объективно взглянуть на то, что дѣлаетъ человѣчество, а не то, что оно должно дѣлать,—мы должны будемъ признать, что законъ концентраціи капиталовъ, по крайней мѣрѣ, для фабрично-заводской промышленности остается непоколебленнымъ. Я не буду утомлять вашего вниманія безчисленными цифровыми выкладками, которыя имѣются на этотъ счетъ въ спеціальной литературѣ. У насъ слишкомъ много писалось и говорилось по этому поводу еще совсѣмъ въ недавнее время, въ эпоху нашего горячаго увлеченія марксизмомъ, да и многому изъ того, что писалось и говорилось тогда, суждено теперь опять возродиться, благодаря успѣхамъ соціалъ-демократической

партіи. Наконецъ, та необыкновенно поучительная полемика, которая въ самомъ концѣ 90-хъ годовъ возникла между ортодоксальными марксистами и ревизіонизмомъ, дала подавляющій по своему богатству матеріалъ, который позволяетъ сдѣлать нѣкоторые выводы, не прибѣгая къ подробному его обзору.

Никто и никогда не сомнѣвался въ томъ и менѣе всего, конечно, самъ Марксъ, этотъ глубочайшій знатокъ хозяйственной исторіи новаго времени, что мелкая промышленность можетъ существовать рядомъ съ крупной. Менѣе всего законъ Маркса о концентраціи капиталовъ подразумѣвалъ какую-нибудь внезапную соціальную катастрофу, которая должна разомъ поглотить всѣ мелкія предпріятія. Совершенно правъ Кропоткинъ, когда онъ говоритъ, что «мелкая промышленность одарена необыкновенной живучестью, что она подвергается всевозможнымъ видоизмѣненіямъ, приспособливается къ новымъ условіямъ и продолжаетъ бороться, не теряя надежды на лучшее будущее». Но этого никто и никогда не отрицалъ. Наоборотъ, всѣ изслѣдователи мелкой формы хозяйства всегда признавали необыкновенную ея эластичность и трудность, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и специфическую невозможность борьбы съ нею. Есть отрасли производства, которыя какъ бы спеціально предназначены для мелкихъ формъ производства. Но и сочувствіе къ героизму, нерѣдко вынужденному, владѣльцевъ этихъ крошечныхъ предпріятій, вступающихъ въ борьбу съ гигантами, не должно было бы удерживать современныхъ анархистовъ отъ признанія вѣрности общаго закона Маркса.

Въ послѣднее время, однако, передъ мелкимъ хозяйствомъ начинаютъ какъ будто открываться новыя неожиданныя перспективы. Это стоитъ въ связи съ распространеніемъ мелкихъ моторовъ и передачей электрической энергіи. Одно время на нихъ возлагали совершенно исключительныя надежды; ду-

мали, что кончилась эра крупнаго производства, что новѣйшія техническія изобрѣтенія разобьютъ крупныя предпріятія на мелкія мастерскія. Но дѣйствительность далеко не оправдала этихъ радужныхъ ожиданій. Правда, въ отдѣльныхъ мѣстахъ Германіи, особенно въ Саксоніи среди кустарей, довольно сильно распространены небольшіе электрическіе и керосиновые двигатели. Въ Швейцаріи, на Юрской возвышенности, «сначала маленькія мастерскія арендовали двигатели, но въ послѣднее время, благодаря обилію воды, было повсюду введено электричество, и въ домахъ дѣйствуютъ небольшіе моторы, величиной отъ $\frac{1}{4}$ до 12 лошадиныхъ силъ». Наконецъ въ послѣднее время такіе моторы получили довольно широкое распространеніе и въ Америкѣ.

Несмотря, однако, на все величіе этого изобрѣтенія, представляющаго одну изъ необходимыхъ предпосылокъ того будущаго строя, который утвердитъ совершенную независимость личности, не слѣдуетъ переоцѣнивать его значенія для настоящаго времени.

Въ энтузіазмѣ, которымъ было встрѣчено это изобрѣтеніе, совершенно забыли о томъ, что машинная сила становится тѣмъ дороже, чѣмъ въ меньшемъ масштабѣ она примѣняется. «Техническое равенство двухъ предпріятій,—справедливо замѣчаетъ нѣмецкій экономистъ Бюхеръ,—не есть еще ихъ экономическое равенство».

Въ блестящей работѣ Зомбарта «Современный капитализмъ» мы находимъ цѣлый рядъ свѣжихъ иллюстрацій этого, впрочемъ безспорнаго положенія.

Для паровой машины еще Энгель отмѣтилъ относительную обратную пропорціональность между величиной машины и расходами, падающими на одну лошадиную силу.

Въ новѣйшее время Эммери изъ Нью-Йорка далъ слѣдующія вычисленія:

При машинѣ въ 5 лошад. силъ одна лошад. сила обходится въ годъ въ 754,5 мар.

При машинѣ въ 20 лошад. силъ одна лошад. сила обходится въ годъ 315,5 мар.

При машинѣ въ 200 лошад. силъ одна лошад. сила обходится въ годъ 123,3 мар.

При машинѣ въ 3000 лошад. силъ одна лошад. сила обходится въ годъ въ 78,1 мар.

Такимъ образомъ машина въ 3000 лошадиныхъ силъ экономичнѣе машины въ 5 лошадиныхъ силъ почти въ 10 разъ. Очевидно, конкуренція невозможна.

Для развитія небольшой силы, въ которой нуждаются ремесленники, паровыя машины теперь не употребляются. Для ихъ цѣлей пользуются газо- и электро-моторами. Здѣсь нѣтъ такой значительной разницы между мелкой и крупной машиной, какъ при употребленіи паровыхъ машинъ, но и здѣсь, конечно, сила обходится тѣмъ дешевле, чѣмъ крупнѣе ея генераторъ.

Такъ, по вычисленіямъ Лукса, расходъ на одну лошадиную силу при электромоторѣ въ 1 силу составлялъ 216 мар., при электромоторѣ въ 500 лошадиныхъ силъ только—93 марки.

Этихъ немногихъ данныхъ, намъ кажется, совершенно достаточно, чтобы разубѣдить тѣ наивныя души, которыя думали и думаютъ помощью однихъ электромоторовъ перевернуть весь міръ.

Правда, въ основѣ всякаго соціальнаго переворота прежде всего лежитъ техническій прогрессъ, но для того, чтобы овладѣть имъ и использовать въ своихъ цѣляхъ, необходимо сосчитать и собрать свои силы.

Время анархистической революціи еще не пришло, между тѣмъ многочисленные признаки указываютъ намъ на приближеніе соціалистическаго строя.

Образованіе безчисленныхъ рабочихъ армій, постепенное завоеваніе пролетаріатомъ парламентовъ, муниципалитетовъ, громадные боевые фонды на случай стачекъ и безработицы,— все это грозные симптомы, съ которыми надо считаться.

И всякій послѣдовательный анархистъ долженъ не бороться противъ надвигающагося соціалистическаго строя, а, наоборотъ, жаждать его приближенія, ускорить его наступленіе, чтобы затѣмъ биться съ нимъ въ послѣдней борьбѣ.

Надо ждать концентраціи этой громадной власти, чтобы затѣмъ однимъ ударомъ поразить ее въ самомъ источникѣ. Надо собрать эти милліоны ручьевъ въ одинъ потокъ, чтобы разбить его однимъ взмахомъ.

Современные анархисты говорятъ о какомъ-то безумномъ надорганическомъ скачкѣ въ царство свободы, между тѣмъ, намъ необходимъ соціалистическій строй: 1) какъ стадія технико-экономической подготовки, 2) какъ стадія подготовки психологической.

Соціалистическій строй есть, конечно, самая совершенная форма экономической жизни. Мы уже говорили, что если анархизму суждено рѣшать проблемы духа, соціализмъ призванъ рѣшать проблемы тѣла.

Колоссальныя потери капиталистическаго строя, проистекающія изъ его неорганизованности и неизбѣжно связанныхъ съ нею промышленныхъ кризисовъ, исчезнутъ. Соціализмъ создастъ мощную хозяйственную организацію, гдѣ всѣ члены будутъ равно участвовать въ работѣ и закалятся въ той трудовой дисциплинѣ, которая будетъ такъ необходима въ анархическомъ строѣ, гдѣ они будутъ предоставлены самимъ себѣ.

Всѣ техническія усовершенствованія, всѣ новѣйшія пріобрѣтенія культуры, которыя сейчасъ дѣлаются достояніемъ лишь немногихъ, создавая монополіи и разоряя бѣдняковъ,

тогда будутъ распредѣляться равномѣрно по всему общественному слою, знакомя практически каждаго члена соціалистическаго государства съ успѣхами науки и искусства. И человѣкъ соціалистическаго строя будетъ во всеоружіи современнаго ему знанія. Массы людей будутъ трудиться надъ приложеніемъ въ жизни тѣхъ великихъ изобрѣтеній, которыя въ силу ихъ баснословной дороговизны, сейчасъ недоступны, а въ ближайшемъ будущемъ, можетъ-быть, будутъ доступны очень немногимъ. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, возможность пользованія радіемъ, повлекутъ за собой цѣлыя общественныя трансформаціи, дѣлая ненужными цѣлыя отрасли хозяйства (отопленіе, освѣщеніе), а, слѣдовательно, и упраздняя цѣлыя профессіи людей .

Еще болѣе баснословныя перспективы открылъ знаменитый французскій ученый Бертело на банкетѣ синдиката химическихъ фабрикантовъ въ 1804 году. «Къ 2000 году,—говорилъ онъ,—не будетъ болѣе ни сельскаго хозяйства ни крестьянъ, потому что химія сдѣлаетъ ненужной нынѣшнюю обработку земли... Топливо замѣнится химическими и физическими процессами... Нужно будетъ подумать о томъ, какъ использовать солнечную теплоту и жаръ земныхъ нѣдръ»...

Однимъ словомъ, соціалистическій строй воспитаетъ экономически универсальнаго человѣка.

Но не менѣе важна соціалистическая стадія и для психологической подготовки человѣка.

Никакія завоеванія не бываютъ прочны, если они достаются легко, безъ жертвъ и страданій.

Въ буржуазномъ обществѣ культура личности въ массѣ не велика. Тамъ, гдѣ милліоны людей долгіе дни проводятъ въ душныхъ и жаркихъ мастерскихъ или годами гложутъ оси-

новую кору, тамъ некогда думать о голодѣ духа. Но тамъ, гдѣ, какъ въ соціалистическомъ строѣ, алчущіе будутъ насыщены, родятся потребности духа, которыя соціализмъ наполнить не можетъ...

Тогда на почвѣ неслыханныхъ страданій сперва порабощеннаго, потомъ возмущеннаго гордаго духа возстанетъ царство истинной свободы—анархизмъ.

Всѣ настоящія попытки на индивидуалистическое самоопредѣленіе, заранѣе осуждены на безплодіе; онѣ—заблужденіе. Это—гордый духъ въ бренномъ тѣлѣ.

Не такова должна быть личность въ анархистическомъ строѣ. Съ необъятной властью надъ природой разовьется ея психическая чуткость, вырастетъ то пониманіе внѣ времени и пространства, то новое чувство, о которомъ говоритъ теперь цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ, работающихъ надъ физіологической психологіей.

Тогда не будетъ мѣста какимъ-либо вліяніямъ извнѣ; все будетъ опредѣляться личными внутренними императивами.

Лишь тогда личность станетъ тѣмъ богомъ, тѣмъ «Я», о которомъ когда-то смутно мечталъ одинокій, непонятый Штирнеръ.

Тогда раздастся тотъ гимнъ, который пѣлъ нѣкогда Цезарь-де-Папъ: «Анархія! Мечта возлюбившихъ свободу, идеалъ истиннаго революціонера! Долго люди на тебя клеветали, недостойно поносили тебя; въ своемъ ослѣпленіи смѣшивали они тебя съ безпорядкомъ и хаосомъ, между тѣмъ, какъ правительство, твой заклятый врагъ, есть соціальный безпорядокъ, экономическій хаосъ!... Ты—порядокъ, гармонія, равновѣсіе, справедливость! Тебя уже провидѣли пророки подъ покрываломъ, скрывающимъ будущее; они называли тебя идеаломъ демократіи, надеждой свободы, высшей цѣлью револю-

ціи, владычицей будущихъ временъ, обѣтованной землей возрожденнаго человѣчества!»

Я кончаю.. Быть-можетъ, у многихъ явится мысль, что служеніе идеалу, который я нарисовалъ и осуществленіе котораго отодвинуто отъ насъ, повидимому, еще на сотни лѣтъ, обрекаетъ на квіетизмъ, на спокойное холодное созерцаніе!

Ничто не можетъ быть ошибочнѣе этой мысли! Нѣтъ! Тотъ, кто исповѣдуетъ подобное міросозерцаніе, обреченъ на борьбу. Передъ нимъ открывается безконечное поприще!

Пусть голосъ его неумолчно звучитъ о негодности политическихъ формъ, о безнравственности принципа власти. Безконечно болѣе правъ тотъ, кто ведетъ людей на страданія, смерть, чѣмъ тотъ, кто утратилъ свои идеалы во имя ихъ неисполнимости.

Нѣтъ болѣе страшной реакціонной силы, чѣмъ трезвые реформаторы, потревожонные въ своей творческой работѣ. Трудясь надъ жизненными практическими задачами, они забываютъ о высокихъ идеалахъ—конечныхъ моментахъ ихъ творческаго процесса; они жестоко мстятъ тѣмъ, кто неудержимымъ порывомъ мѣшаетъ ихъ «маленькому дѣлу».

Нравственный долгъ обязуетъ исповѣдать свою вѣру всегда, не считаясь съ земными богами.

Пусть каждый изъ насъ неудержимо несетъ въ свѣтъ тотъ огонь, которымъ пламенѣетъ душа!

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Либерализмъ 5

Соціализмъ 19

Анархизмъ 33